

А. А. ТУАЛЛАГОВ,
СОИГСИ им. В. И. Абаева, Владикавказ

ДАРЬЯЛ – «ВОРОТА АЛАН»

Издrevле горные проходы Кавказа служили естественными связующими путями, по которым осуществлялись разнонаправленные миграции разноэтничного населения, культурные, торговые и иные обмены и взаимодействия. Они же имели особо важное военно-стратегическое значение, которое усиливалось по мере становления государственных образований в Закавказье, нуждавшихся в эффективной защите, как от прорывавшихся за добычей воинов из числа горных племен, так и племен, обитавших в предгорьях и степях Северного Кавказа. С другой стороны, установление такого оборонительного контроля позволяло тем, кто его осуществлял, получать материальные выгоды от торгового транзита и политические выгоды от предотвращения или, наоборот, привлечения воинских сил воинственных соседей. Особая страница истории вторжений с Северного Кавказа была открыта после появления на его просторах воинственных скифов, за которыми шли сарматы, аланы и иные народы, особо выделявшиеся воинским искусством своих всадников.

Один из известнейших путей с Северного Кавказа в Закавказье шел через Дарьяльское ущелье, которое так и называется осетинами – Дайран, Дайраны ком – «Дарьяльское ущелье», или Арвы ком – «Небесное ущелье». Название происходит от перс. *Dar-i-Alānān* – «Ворота алан», «Gate (Door) of the Alans», в первой части которого представлено персидско-таджикское *dar, der* – «дверь, вход, горный проход, перевал» [Кузнецов 1893: 143; Гаглойти 1966: 217; Цагаева 2010: 434, 504; Мурзаев 1984: 146-147, 164; 1993: 91-92; Ньоли 2002: 23; Алемань 2003: 28-29], а во второй – название алан. Часть ущелья южнее с. Ларс носит осетинское название Дайраны нарæг – «Дарьяльская теснина» [Цагаева 2010: 503], что соответствует в целом определению собственно Дарьяльского ущелья – с севера от с. Чми до известного укрепления к югу от с. Ларс [Кузнецов 1893: 143].

В данном случае не касаемся околонучных попыток рефлексии по поводу названия Дарьяла [ЧЕЛАХСАТЫ 2013: 27], а также использования давних поверхностных объяснений [МУРЗАЕВ 1984: 147; 1993: 91; Марков 1887: 90; Осетины 1967: 312, комм. 112] для объявления «тюркской этимологии» [Мизиев 2010: 159-160; 2010а: 408; БАЙРАМКУЛОВ 1999: 147] или прочтения названия «на ингушском языке» [КОДЗОВЕВ 2011: 96]. В последнем случае оно переключается с другим «тюркским прочтением» [КУБАНОВ 2004: 169], возводясь в своей первой части к персидскому названию шелка. Интерпретаторов не заботит факт его заимствования в различные кавказские языки, в том числе в осетинский [АБАЕВ 1958: 345], а также тот факт, что данная транскавказская магистраль не входила в маршруты Великого Шелкового пути, что подтверждается и археологически. Заявление о том, что Дарьяльское ущелье являлось центром торговли аланского союза племен, который объявляется древнеингушским, а по ущелью проходила одна из основных ветвей Великого Шелкового пути [АКИЕВА 2014: 17], псевдонаучно по своей сути. Другие примеры псевдонаучной «лингвистической эквилибристики» при толковании названия Дарьяла на основе нахского и ингушского языков также опубликованы [ПЛИЕВ 2011: 59; ГАНДАУР-ЭГИ 2016: 44-45].

В конечном итоге, арабское и армянское названия Дарьяла четко подтверждают указанную персидскую этимологию, снимая и некоторые частные сомнения [НИКОНОВ 1966: 116]. Подтверждается она и данными персидского перевода с тюркоязычного варианта «Дербенд-наме» об Ала-капу [Дербенд-наме 2017: 12, 37, комм. 44]. Попытки приписать ущелью и другое название [АЛБОРОВ 1960: 111-112] необоснованны. Прямой фальсификацией является попытка [Мизиев 2010: 159] отнесения к Дарьялу топонимов с иных территорий Осетии [ЦАГАЕВА 2010: 11, 96, 97-98, 125, 181, 362].

Первые возможные сведения о наличии оборонительного укрепления на данном пути могут содержаться, например, в сообщении Иосифа Флавия о том, что в 35 г. н. э. Иберия и Албания, склоняемые Римом для войны с Парфией, сами отказались воевать, но открыли «Каспийские ворота» (τας θύρας τας Κασπίας) для вторжения аланов (скифов) через свои земли (Jos. Ant. Jud. XVIII, 96-98). Тацит, называя участников тех событий сарматами, указывал, что иберы, владевшие той местностью, пропустили их «Каспийской дорогой» (Caspia via) (Tac. Ann. VI, 33-35). Нет никаких сомнений, что «Каспийские ворота» во владениях Иберии должны были представлять собой некое укрепление на пути, где располагалось и Дарьяльское ущелье, т. е. по «Каспийской дороге».

Но где более точно могло тогда находиться такое укрепление? Достоверно установлено, благодаря найденной возле Мцхета латинской надписи, что здесь в 75 г. римским императором Веспасианом для иберийского правителя Митридата, сына Фарасмана, были «укреплены стены» («построили

крепость») [Сборник греческих 1881: 66-69. № 129; ЛАТЫШЕВ 1904: 101-103; РОСТОВЦЕВ 1909: 11]. Ее расположение соотносится с сообщением Страбона, что из области северных кочевников, т. е. с Северного Кавказа, шел трудный трехдневный подъем, а потом четырехдневный спуск. Конечный участок этой дороги охранялся неприступным укреплением, называвшимся Гармозика (Strabo. XI, III, 5).

Важная информация содержится в труде Плиния (Plin. NH. VI, 30, 40). По его данным, к югу от истоков р. Терек находились «Кавказские ворота» (Portae Caucasiae), которые многие ошибочно называли «Каспийскими». Ворота укрепляли горный проход обитыми железом бревнами. На южном склоне хребта располагался замок Кумания, т. е. Кумлисия, Кумлис-цихе, который был построен, чтобы препятствовать проходу бесчисленных племен, живших к северу от хребта. Здесь «Кавказские ворота», напротив города Армастиса, служили пределом римских земель, а за ними жили свободные народы – горцы, двалы и сваны. Таким образом, речь идет об укреплении к югу от Главного Кавказского хребта [СУЛЕЙМАНОВА 2013: 92-93, 101, 102, 104], которое никак не может быть сопоставлено [КУЗНЕЦОВ 1893: 143; Darial 1910: 832; ГЕНКО 1930: 711; BRAUND 2000: 1257, 1259; КУЗНЕЦОВ 2014: 53; СЛАНОВ 2011: 98; 2013: 46; 2014: 276; SAUER, PITSKHELARI et al. 2015: 5] с укреплением на южном входе в Дарьяльское ущелье [МУРАВЬЕВ 1988: 156-161].

Считать, что у Плиния речь идет о Дарьяльской крепости с гарнизоном [АХМАДОВ 2016: 23], нет никаких оснований. Мнение несколько не поддерживается данными, приводимыми в исследовании [ПОДОСИНОВ, СКРЖИНСКАЯ 2011: 339, комм. 667-651], на которое при этом ссылаются. Плиний особо оговаривал, что к «Воротам Иберии» (Portas Iberiae), т. е. «Кавказским воротам», ошибочно применялось название «Каспийские» (Caspiae), которое было представлено в его время на ситуационных картах. Плиний указывал, что упомянутые им ворота вели из Иберии в землю сарматов.

Прямым подтверждением указанной ситуации является эпитафия брата иберийского царя Митридата в Риме. Он прибыл в столицу империи, видимо, на помощь Траяну в 114-115 гг. и вскоре здесь скончался. Эпитафия [CAGNAT 1901: 75-76, № 192], в том числе, сообщает о том, что его родина находилась у «Каспийских заповор» (Κασπίας παρα κληθρας) [АМИРАНИШВИЛИ 1938: 164; АПАКИДЗЕ и др. 1958: 55]. Именно данные ворота должны были иметься в виду в приложении к деятельности Флавия Арриана в сообщениях Фемистия (IV в.) о том, что Флавий Арриан и Квинт Рустик «пересекали Каспийские ворота, изгоняли аланов из Армении и утверждали границы иберам и албанам» (Them. XXXIV, VIII, 33), и Иоанна Лаврентия Лида (VI вв.) об известных римским писателям «Каспийских воротах», «...которые Арриан описывает с величайшим прилежанием в “Аланской

истории” и, особенно, в восьмой книге своей “Истории Парфии”, благодаря тому обстоятельству, что те места были в его ведении, ибо он управлял этой областью при превосходном Траяне» (Lyd. De mag. III, 53).

Свидетельство Плиния о выходе через «Кавказские ворота» к владениям сарматов указывает на противоположный географический пункт, который и соединялся с «Кавказскими воротами» («Ворота Иберии») столь важной транскавказской магистралью. Более точно о той ситуации позволяет судить «География» Птолемея, самые поздние сведения которой относятся ко второй четверти II в. Птолемей четко прослеживал границу между закавказскими Колхидой, Иберией и Албанией, с одной стороны, и Азиатской Сарматией, с другой стороны. Само определение границы весьма показательное даже с учетом несовершенной градусной сетки у Птолемея, в которой погрешность с широтой могла составлять более 5° и еще более с долготой, и явной схематизации при локализации тех же закавказских государственных объединений.

Упомянутая граница проходила к югу от Главного Кавказского хребта. Боковой предел Колхиды помещается под координатой 75°-47° (Ptol. V, VIII, 7). Далее предел шел по границе Иберии, где помещаются «Сарматские ворота» под координатой 77°-47°. Затем следует предел Албании (Ptol. V, VIII, 11). Далее, уже непосредственно определяя границы Иберии, Птолемей указывал, что Иберия ограничивается с востока Албанией по линии, доходящей до 77°-47° (Ptol. V, X, 1). Таким образом, северный предел Иберии в своей крайней точке соединялся с границей Албании, и именно здесь находились «Сарматские ворота», замыкающие транскавказскую магистраль на южном направлении.

Сам Кавказ (Кавказские горы) Птолемей помещает между координатами 75°-47° (северный предел Колхиды) и 85°-48°. Если первая координата относится к южным склонам Кавказских гор, то вторая – к северным. Все это пространство относится к территории Азиатской Сарматии. И именно на северной части упоминаются еще одни «Сарматские ворота» с координатой 81°-48°30' (Ptol. V, VIII, 15), которые и могут быть отождествлены с более поздними сведениями о «Воротах алан» (Дарьял), запиравших Дарьяльское ущелье с северной стороны Кавказских гор. Помещение северных «Сарматских ворот» восточнее Дарьяла [Гаджиев 1997: 117-118; 2015: 33] принять сложнее. Вместе с тем, следует оговориться, что указание на наличие «Сарматских ворот» на северокавказской стороне прямо не свидетельствует о наличии здесь укрепления. Речь может идти о природном узком входе в Дарьяльское ущелье.

Нет никаких оснований, как делают некоторые авторы [GAGOSHIDZE 2008: 9-10; SAUER, PITSKHELARI et al. 2015: 2], не только включать в тот

период в состав Картли Двалетию, располагавшуюся в верховьях р. Ардон, но и утверждать о включении всего Дарьяльского ущелья в Картли. Не может отождествляться [GAGOSHIDZE 2008: 19; SAUER, PITSKHELARI 2015a: 103] и замок Кумания с Дарьяльским укреплением. Не посещал района будущего построения Дарьяльского укрепления и Флавий Арриан [ТУАЛЛАГОВ 2014: 122-131, 135-136]. Что касается «Албанских ворот» на карте Птолемея, то они не связаны с Дарьялом [The Geography of Ananias 1992: 116, N. 70, 123, n. 106; СУЛЕЙМАНОВА 2008: 322; LISINI 2017: 85-91]. Полагают, что с Дарьяльскими воротами могут быть связаны у Птолемея «Александровы Столбы» (Ptol. V, VIII, 15), которые считались «Воротами Севера» [СУЛЕЙМАНОВА 2013: 105, сн. 3, 106; 2016: 49-50].

«Картлис Цховреба» Леонти Мровели XI в. приписывает сооружение южных ворот картлийскому царю Мирвану, персу по происхождению, правившему, видимо, на рубеже III-II вв. до н. э. Согласно летописи, Мирван разгромил дурдзуков, «вошел в Дурдзукети, опустошил ее и Чартали. Затем воздвиг врата каменные и назвал их Дарубал». В древнеармянской версии Мирван «забрал Дуурдзук и Чартал, и врата на известковой кладки, что там были, – Дарбал». Исследователи справедливо замечают, что «ворота Дарубал» представляли собой заставу на рубежах Картли и Дурдзукети и не могут отождествляться с Дарьяльскими воротами [МРОВЕЛИ ЛЕОНТИ 1979: 31, 64-65, комм. 103, 66-67, комм. 107, 108].

Полагают, что южные укрепления у границ Иберии были построены селевкидским правителем Антиохом III Великим (223-187 гг. до н. э.), который на непродолжительное время добился господства в Восточном Закавказье в начале II в. до н. э. [ГУМБА 2004: 161]. Впоследствии, по мнению некоторых исследователей, Рим, заинтересованный в контроле над «Кавказскими воротами», строит крепость иберийскому царю Митридату, поскольку сами иберы были неопытны в строительстве подобных сооружений [АМИРАНИШВИЛИ 1938: 171-172]. Собственно, укрепления на границе Картли служили не только защите от вторжений с севера, но и военно-политическому противостоянию с Албанией и Арменией.

Обычно с походами алан I-начала II вв. связывают сообщение «Картлис Цховреба» о неудачном походе картлийцев и овсов в Армению. Впоследствии картлийцы и овсы объединенными силами стали наносить многие удары по Армении, а в одном из сражений захватили сына армянского царя Зарена. Овсы хотели убить его, но картлийцы заключили его в крепость Дариалан. У Мовсеса Хоренаци Зарех был заточен в некую безымянную крепость на Кавказе. Было предложено отождествление крепости с Дарьяльской крепостью [МРОВЕЛИ ЛЕОНТИ 1979: 35, 72, комм. 127; СЛАНОВ 2011: 99; 2013: 46], якобы первоначально сооруженной грузинами

[Новосельцев 1969: 132], или крепостью в Тагаурском ущелье [Габриелян 1985: 59, комм. 136].

Сложно согласиться с такими отождествлениями и решениями. Странно бы было помещать царевича непосредственно возле жаждущих мести алан в Дарьяльской крепости. Кроме того, у Мовсеса Хоренаци противостояние относится к армянам и иверам без привлечения каких-либо аланов. Причем армяне достаточно быстро силой возвращают себе царевича. Скорее, если события и имели место, то в них фигурировала крепость самой Картли, которая еще не могла никак получить персидское название. Кроме того, как следует из иных источников, район Дарьяльского укрепления отстоял далеко от собственно картлийских владений, отделяясь владениями независимых от Картли народов.

Некоторые исследователи полагают, что армянский царь Вагарш II (186-198 гг.) поручил охрану Аланских ворот правителям Гугарка, Гардмана и Сюника. В результате там был поставлен армянский гарнизон [Габриелян 1983: 64-65; 2001: 201]. Поводом к такой трактовке формально могли послужить сведения из труда Мовсеса Хоренаци (II, 6, 8). Однако в них нет никаких данных об Аланских воротах в таком контексте. Бдеашх Гугарка получал в наместничество северный край, который находился против горы Кавказ. Контролировать кавказские перевалы правитель должен был с южной стороны Кавказа, что вполне соответствует вышеприведенным данным.

Общие сведения о призыве Вагаршем (Валаршак) племен не только гор и южных предгорий и равнин, но и с северных предгорий Кавказа, поручение их мудрым мужам и надзирателям рисуют нам образ мудрого и сильного правителя. Но они нисколько не касаются Аланских ворот и не подтверждаются иными источниками в вопросе отношений с располагавшимся рядом с ними населением. Мовсес Каганкатваци (I, 4) кратко повторяет указанные сведения, вновь не давая повода к столь однозначным трактовкам. Исследователи считают, что охрана, в том числе, Дарьяльского прохода поручалась Армении по договору между Септимием Севером (198-211 гг.) и Валаршаком II (186-198 гг.). Поэтому контроль над центральнокавказскими перевалами и возлагался на бдеашха Гугарка [Гумба 2016: 246-247]. Договорные основания не могли оставить без четкого определения такого важного форпоста, как Аланские ворота, если бы планировалось их охранять. Возникает и вопрос с самим наличием в тот период данного укрепления.

Агатангхоз сообщал, что армянский царь Хосров I Великий (222-238 гг.) для призыва войск гуннов открыл Аланские врата (*drownk' Alanac', τας κλεισούρας των Αλανων*) [Алемань 2003: 365-366]. Относить данные сведения к факту существования в то время Дарьяльского укрепления [Сланов

2013: 46; 2014: 276] безоговорочно сложно. Источник относится к V в., что позволяло ему владеть информацией о таком укреплении. Но действительное положение для описываемых им событий могло быть связано с отмеченным контролем за транскавказским проходом с юга. Такое положение относится и к сообщению источника о проповеди Св. Григория Просветителя, в том числе, до Аланских ворот и ошибочного указания на его же сведения у Мовсеса Хоренаци по поводу проповеди Св. Нино [Алемань 2003: 366, 380]. В данном случае речь должна идти о географическом пункте. Нет никаких оснований рассматривать [Сланов 2011: 99; 2013: 46] свидетельства о проповеди св. Нино в IV в. у «Ворот алан» как указание на крепость.

Первые аутентичные и синхронные самим событиям сведения о «Воротах алан» (Alānān dar ('l'n'n BB'), Alānān bar ('l'nn TR''), π[λ]ο[v Αλα] vov) появляются в трехязычной (пехлеви, парфянский, греческий) надписи Шапура I в Кааба-и Зардушт ~ 262 г. и в пехлевиийской надписи верховного жреца Картира (между 276 и 282 гг.). Шапур I сообщает о провинциях своей империи, простирающихся «до горы Кавказа и Ворот алан». Картир сообщает о назначении священнослужителей и об установлении им священных огней во всех областях, которые завоевал Шапур I «вплоть до Ворот алан» [Ньоли 2002: 19-26; Алемань 2003: 443-447].

Таким образом, надписи свидетельствуют об установлении власти Сасанидской Персии над закавказскими государствами. В их числе была и Картли (Ивирия), попадающая под управление персидского шахрдаря, когда и горные проходы, вплоть до своих северных рубежей, оказываются под контролем персов, что ранее не наблюдалось для владений самой Картли. Представленные в надписи «Ворота алан» являются географическим определением, поэтому не может быть речи о появлении данного названия как названия уже существовавшей крепости с возникновением на Северном Кавказе аланского объединения [Сланов 2011: 98; 2013: 46]. Аланское объединение уже существовало ранее, как минимум с середины II в., но крепости еще не было. Крепость получит соответствующее название по названию местности, на границе которой она будет сооружена.

Бесспорно, ошибочно и мнение [Кузнецов 2012: 34], что название «Ворота алан» появилось в IV в. Но приписывание тому же мнению утверждения, что свое название проход получил по имени проживавших здесь алан [Топчишвили 2016: 72], диктуется только патологическим неприятием «осетинской тематики». Речь шла о значительной группировке алан в Предкавказье. Последующее заявление, что «по раннесредневековым арабским источникам, от Дарьяльского прохода до ареала расселения алан было десять дней пешего пути» [Топчишвили 2016: 72], является также

прямой фальсификацией. Ибн Руста говорил о расстоянии от границы Алании со стороны Сарира, т. е. с востока, до крепости «Ворота алан» [АЛЕМАНЬ 2003: 342-343]. Таким образом, все эти дни пути до самой крепости «Ворота алан» проходили по территории Алании, от одной части ее границы до другой.

Специалистам хорошо известны материалы раннесредневековых аланских могильников на Владикавказской равнине. Они, в том числе, помещаются непосредственно в ее южной части, а также возле сс. Балта и Чми, т. е. непосредственно на северном отрезке Дарьяльского ущелья. Несомненно, данные территории были надежно освоены аланами, а Дарьяльское ущелье было открыто для их доступа и контроля.

Всегда достаточно трудно сопоставлять с ранними историческими сведениями данные грузинских источников, что отражает их специфику. Но, видимо, с теми событиями как-то связаны сведения «Картлис Цховреба» о неудачной попытке картлийского царя Аспагура (265-284 гг.) оказать сопротивление персам с помощью алан. В конечном итоге, впоследствии картлийцы подчинились, персы заключили договор, что все ворота, крепости и города были под властью персидских отрядов, одновременно не оставляя в Картли персидские отряды, которые наполнили иные закавказские пункты. Персы захватили ущелья кавказианов, поставив везде своих правителей [ЛЕОНТИ МРОВЕЛИ 1979: 37-38; ГАГЛОЙТИ 2007: 29-30, 133-135, комм. 27].

Именно тогда персы узнали о расположении к северу от Мцхета овов, к которым армянская версия «Патмутюн Врац» добавляет алан [АЛЕМАНЬ 2003: 412], поскольку армянские источники называли аланами овы грузинских источников. Таким образом, «Воротами алан» оказывается определена граница между владениями Персидской империи и алан. Фактически мы имеем дело с исторически первой фиксацией персидского названия, которое на все последующие времена станет названием Дарьяльского ущелья. Но наличие здесь укрепления никак не прослеживается в источниках. Тот же Аспагур, пытаясь противостоять персам, открывал для вторжения с севера «Ворота кавказианов», т. е., надо полагать, все те же «Кавказские ворота» Плиния. Получение персами сведений об аланах от картлийцев должно полагать, что непосредственных столкновений между персами и аланами на данном направлении не происходило.

Полагают, что после поражения Персии от Рима и заключения между ними мирного договора в 298 г. Трдат III Великий фактически воцарился над всей Великой Арменией, одновременно приступив к контролю и охране Каспийского (Дербентского) и Дарьяльского проходов, что Рим традиционно возлагал на армянских царей. Но такое охранение логично полага-

ется для оборонительной линии к югу от Главного Кавказского хребта, начинавшейся от Жинвали и тянувшейся к востоку [Гумба 2016: 139, 149]. Несомненно, данное положение никак не затрагивало Дарьял. В скором времени возобновились и военные действия между силами империй, включавшими в противостояние и иные народы и государства.

Закавказье на долгое время превратилось в арену противостояния Персидской и Римской империй. В 384 г. (385 или 387 гг.) ими была разделена Армения. Тогда, в правление Вараз-Бакара II, согласно грузинским источникам, персы вторглись в Картли, дошли до Мцхета, создали свой опорный пункт в Тифлисе, превратив царство Картли в своего данника [Мишин 2014: 243-245]. Одновременно Закавказье испытывало на себе и тяжесть вторжений с территории Северного Кавказа, которые частью инспирировались империями и подвластными им закавказскими центрами в целях борьбы друг с другом.

Но периоды активных военных столкновений, в которых участвовали и подвластные империям народы и царства, сменялись периодами мирных отношений. Империям приходилось и сотрудничать друг с другом в условиях нападений с севера на их владения одними и теми же врагами, как случилось, например, в 395 г. Поэтому переговоры по вопросу о создании укреплений в районах Дербента и Дарьяла, для чего Рим готов был платить Персии, велись еще при Феодосии I (379-395 гг.) [MINORSKY 1958: 87, n. 2]. Но данный вопрос не мог фигурировать, как полагают [SHANBAZI 1990], в договоре 363 г. [CHRYSOS 1976: 30, n. 3; BLOCKLEY 1984: 37].

Переговоры о мирном договоре велись и при Ездигерде I (399/400-421 гг.) [INCERTI AUCTORIS 1927: 143]. В 413-414 гг. Персия и Восточная Римская империя (Ромейская империя, Византия) заключили мирный договор. Исследователи полагают, что он не в последнюю очередь касался обороны горных проходов на севере, через которые и совершались вторжения во владения империй. С данным условием сопоставляется свидетельство Иоанна Лаврентия Лида (Lyd. De mag. III, 52), что при персидском правителе Ездигерде I была достигнута договоренность с Византией, что обе империи, неся равные расходы, построят крепость, закрывающую горные проходы и препятствующую вторжению гуннов [IOANNES LYDUS 1837: 244-245]. Речь шла о построении крепости, которая и станет известной как Дарьяльская крепость [Мишин 2014: 245-248].

Указанный договор определяет время практической выработки идеи о строительстве Дарьяльского укрепления как реакции на вторжения с территории Северного Кавказа в закавказские владения империй, которым необходимо было противостоять. В скором времени, надо полагать, Дарьяльское укрепление было возведено. Таким образом, мы имеем возможность

установить в достаточно близком приближении время сооружения Дарьяльского укрепления. Оно должно относиться к периоду правления Ездигерда I после 413-414 гг., т. е., скорее всего, в промежутке между 413-414 гг. и 421 г. Следует отказаться от указания на IV в. как на период выплат Римом субсидий персов на содержание крепости, которые рассматривались как уплата дани [Моммсен 1885: 401, сн. 1]. Надо иметь в виду, что именно при Ездигерде I между правителями Персидской и Византийской империй сложились достаточно мирные и даже близкие и доверительные отношения.

При следующем после Ездигерда I персидском правителе Варахране V (421-438 гг.) отношения сразу ухудшились, и начались военные действия. Вместе с тем, договоренность по охране горных проходов продолжала действовать. По сообщению Иисуса Столпника, византийцы передавали персидским послам золото. Отказ византийцев от выплат при Феодосии II привел к войне 441 г., по итогам которой выплаты были получены [Мишин 2014: 252-253].

При персидском правителе Ездигерде II (438-457 гг.), согласно сведениям Лазаря Парпеци, надзор за Дарьяльским укреплением осуществлял ишхан армянского Сюника Васак Сюни, назначенный персами марзпаном Картли около 439-443 гг. Данное положение некоторые исследователи трактовали как армянское присутствие в укреплении, дававшее возможность установления армянами дружеских отношений с аланами у Дарьяла [Габриелян 1989: 59-60]. Однако, бесспорно, поручение вассалу Персии надзора за Дарьялом не означает осуществление такого надзора армянами. Нет здесь и особых отношений между Арменией и Аланией. Деятельность Васака Сюника по охране «Ворот алан» с налаживанием отношений с их северными соседями являлась персидской политикой и служила интересам Персии [Еремян 1941: 38-39; 1951: 44].

Следует также отметить, что у Лазара Парпеци, Себеоса, как и в других армянских источниках, наблюдается путаница Аланских ворот (drownk' Alanac') с Албанскими воротами [Габриелян 1989: 41-42]. Данное положение связано, в том числе, с наблюдаемой в источниках путаницей самих алан и албан. Причиной тому могли служить общая локализация обоих народов на Кавказе, созвучность их названий, а также некоторые особенности в написании их названий на армянском языке.

Во время вспыхнувшего в 450 г. антиперсидского восстания, поводом к которому послужила попытка Персии насильственно обратить свои закавказские владения в зороастризм, в Дарьяле стоял сильный персидский гарнизон, а дорога к нему находилась под контролем марзпана Картли Себухта Нихоракана, представителя персидской знати. Против персидского

гарнизона с целью его уничтожения направился Вардан Мамиконян. Восставшие (армяне, картлийцы и албаны) уничтожили гарнизон и расположили в укреплении собственные силы [Еремян 1951: 54-55].

Речь не может идти о восстании гарнизона, якобы состоявшего из армян, иверов и алан, в связи с войной персов с эфталитами, как решили некоторые авторы [Кузнецов 1984: 51-52; 1992: 88; Сланов 2014: 276]. Вскоре персы вернули контроль над транскавказскими проходами. В 451 г. гунны разрушили укрепление в Дарьяле и овладели им [Еремян 1951: 59]. Вместе с тем, необходимо отметить, что представленное решение достаточно спорно, поскольку более вероятно, исходя из данных источников, что в 450 г. военные действия были направлены против другого укрепления [Тревер 1959: 208-209; Джафаров 1993: 21-22; Гаджимурадов 2014: 10-11; Малашев, Гаджиев, Илююков 2015: 153-154].

Следует полагать, что вскоре персы восстановили крепость и свой контроль над нею. Согласно сведениям Егише, персидский правитель Пероз (457-484 гг.) открыл «Ворота алан», через которые вывел многочисленные войска гуннов для борьбы с Албанией [Тревер 1959: 215-216; Алемань 2003: 372]. Одновременно персы опасались возможности вторжения гуннов против их собственных владений. По сообщению Михаила Сирийца, в начале правления византийского императора Льва I (457-474 гг.) вновь началась византийско-персидская война, вызванная требованием Пероза соответствующих выплат, которые, в конечном итоге, персы получали [Мишин 2014: 253-254].

Следует признать недоразумением утверждение о византийском гарнизоне в Дарьяльском укреплении, якобы охранявшем Дарьяльский проход [MESERVE 2008: 295, п. 162]. Ни в одном источнике никогда не упоминалось о наличии когда-нибудь в укреплении самих византийцев. Нет такого указания и в исследовании [BRAUND 1999: 270], на которое при этом ссылаются. Не было и ранее, как иногда пытаются сегодня допускать [SAUER, PITSKHELAURI 2015: 103], римского гарнизона в крепости, которая еще не существовала. Не могла касаться Дарьяльского укрепления и деятельность византийского императора Валента [CHRYSOS 1976: 46-48], что отмечается [SAUER, PITSKHELAURI 2015: 103] при таком допуске.

В 464 г. персидские послы требовали от Византии участия в поддержании крепости, либо деньгами, либо гарнизоном, чтобы персы не были обременяемы издержками и охраной. Послы указывали, что, если персы оставят укрепление, то окрестные народы станут опустошать не только персидские, но и византийские владения. Но византийцы посчитали несправедливым требовать с них деньги на содержание крепости [Сказание Приска 1861: 88-89].

Видимо, положение крепости было действительно ненадежным. Уже в 466 г. гунны-сарогуры в союзе с гуннами-акатирами прошли через Дарьяль и успешно грабили картлийские и армянские земли. В Византию вновь были отправлены персидские послы, которые вновь потребовали предоставления либо денег, либо людей для удержания крепости. Послы, как и много раз прежде, указывали, что именно постоянно воюющие персы не пропускают вторгавшихся далее во владения Византии. Но Византия вновь отвечала, что каждый сам должен защищать свои владения и заботиться о содержании войска [Сказание Приска 1861: 94-95]. Отказ от выплат продолжился и в правление византийского императора Зенона (474-491 гг.) [Мишин 2014: 254].

Указанные события позволяют уточниться с проблемой строительства Дарьяльского укрепления. Обоюдное решение Персидской и Византийской империй о его строительстве, видимо, не было реализовано в изначально полагавшейся форме. Укрепление было построено одними персами в период правления Ездигерда I. При данном правителе и его приемниках персы сами обеспечивали его охранение. В разные периоды финансирования содержания крепости и гарнизона осуществлялось самими персами или при денежных выплатах Византии, которая периодически стремилась уходить от данных выплат [BRAUND 1999: 269-271].

Такая позиция, видимо, обуславливалась сложными византийско-персидскими отношениями, выливающимися и в прямые военные столкновения, и общим нежеланием Византии усиливать позиции Персии в Закавказье. Обе империи были не прочь при возможности использовать силы с Северного Кавказа для нанесения ударов друг по другу. Кроме того, именно персидские владения подвергались большей частью опасности, тогда как Византия особо не заботилась о землях Иберии, Армении и др., контролировавшихся Персией, тогда как опасность для византийских владений возникала только во время редких глубоких рейдов вторгавшихся с севера.

Следует полагать, что опасения персов в отношении Дарьяльского укрепления были не напрасными. Видимо, несколько позже отмеченных событий оно перешло под контроль «гунна Амбазука». Была ли она захвачена «гуннами» штурмом, занята ими после ухода персидского гарнизона или в силу каких-то иных обстоятельств, не известно. По сообщению Прокония Кесарийского, «гунн Амбазук», владевший Дарьяльской крепостью, был другом византийцев и в 500 г. пытался продать крепость императору Анастасию (491-518 гг.) (Proc. Pers. I, 10, 9-12; 16, 4-5) [ISAAC 1999: 234]. Иранская этимология его имени и археологические свидетельства о расположении в Придарьялье мощного аланского объединения позволили

исследователям предполагать, что тогда укрепление находилось под контролем алан [ВАНЕЕВ 1989: 142, 360; ГАБРИЕЛЯН 1989: 58; КОВАЛЕВСКАЯ 2005: 104]. По крайней мере, можно говорить о том, что «гунн Амбазук» был связан с местной аланской элитой [АРТАМОНОВ 1962: 51]. Предположение, что «амбазуком» правителя называли персы [МИШИН 2014: 267, сн. 384], должно быть отклонено в силу фиксации данного имени у аланских правителей еще в I в. н. э. Вскоре после смерти Амбазука персидский правитель Кавад I (488-531 гг.) вновь захватил крепость и изгнал из нее детей Амбазука. Ал-Баладури [АЛЕМАНЬ 2003: 330] и Ибн ал-Факих ал-Хамадани (Сведения арабских писателей 1902. С. 11) сообщали об укреплении Кавадом I персидской оборонительной линии от Дербента до Дарьяла (Bāb al-Lān).

Исследователи обратили внимание, что после возвращения к власти Кавада I, тот потребовал от Византии выплат. Император Анастасий обещал такие выплаты заключением нового мирного договора. В 501 г. персы начали войну, которая продолжалась до 504 г. После начавшихся переговоров в 505 или 506 гг. был заключен мирный договор. По сведениям Иоанна Лаврентия Лида (Lyd. De mag. III, 53), император Анастасий в знак своего благодеяния передал персам в качестве компенсации за их расходы Дарьяльское укрепление. Данное свидетельство и сопоставляется с историей «гунна Амбазука» Прокопия Кесарийского. Полагают, что в реальности византийский «дар» заключался в предоставлении Каваду I полной свободы действий и отказе в помощи детям Амбазука, который прежде был другом Анастасия [МИШИН 2014: 263-268].

Захват Кавадом I Дарьяльского укрепления относят к 507 г. или 508 г. [ПИГУЛЕВСКАЯ 1941: 68]. Несколько отвлекаясь от темы, заметим, что утверждение о собственно персидском гарнизоне именно в Дарьяле [СИГАУРИ 1997: 175] не следует из используемого для него исследования [ПИГУЛЕВСКАЯ 1941: 67], что подтверждается и переводом источника, помещенным в том же исследовании [ПИГУЛЕВСКАЯ 1941: 159]. Окончательно за пределами научного поля оказывается заявление [ДЖАТЦАЕВ 2009: 92] о том, что современные осетины ведут свое происхождение от персидских гарнизонов Дарьяла. Его можно было бы заподозрить в использовании очень давнего мнения, высказанного в период отсутствия верифицированных научных данных по вопросу происхождения осетин [SPIEGEL 1871: 370; КИЕРПЕРТ 1878: 84-85, am. 3]. Однако здесь представлено явное незнание с «первоисточником», но с сохранением его «научного» уровня.

Можно было бы полагать, что Амбазук захватил крепость в период персидско-византийской войны, пользуясь отвлечением персидских сил. Не исключено, что тем самым он независимо помогал своему «другу»

Анастасию или побуждался самим Анастасием к такому захвату. Но, скорее, Амбазук захватил крепость в период временного отстранения от власти Кавада I – 498/499-сентябрь 501 г., когда Персидская империя осталась без твердого управления. В данном случае также могли сказываться дружеские отношения с Византией. Впрочем, захват мог произойти и несколько раньше. В 500 г. он уже предлагал ее Византии, т. е. практически сразу после овладения.

Исследователи полагают, что сведения мусульманских авторов об укреплении «Ворот алан» персидским правителем Перозом могут соотноситься с тем, что «Ворота алан» строил картлийский правитель Вахтанг Горгасал как номинальный вассал Сасанидов [Мишин 2014: 259]. К сожалению, мусульманские источники, якобы указывающие на укрепление «Ворот алан» Перозом, остались без определения. Скорее всего, речь идет о сообщении ал-Табари о строительстве Перозом в области «Сул и алан» каменного крепостного сооружения, которое потом укрепил Хосрой камнем, выломанным в области Гурган. Исследователи полагали, что данное строительство производилось в районе, располагавшемся на восточном побережье Каспия [Пигулевской 1941: 44], т. е. речь могла идти о каких-то азиатских аланах, что почему-то опускается в работах других исследователей [Габриелян 1989: 80]. Впрочем, нельзя исключать, что в источнике сведены сведения о разных укреплениях. Было предложено и иное оригинальное решение [Нарматта 1996: 82-83].

Укрепление линии обороны от «Ворот алан» до Дербента, с возведением многих городов, как уже отмечалось, относится к деятельности Кавада I [Алемань 2003: 330]. Что касается сведений о Вахтанге Горгасале, то, действительно, только в одном грузинском манускрипте указывалось, что Вахтанг «подчинил овсов и кивчаков и создал Овские врата, коих мы именуем Дариановскими. Воздвиг над ними высокие башни и поставил защитниками окрестных мтеулов для воспреещения прохождения царей многочисленных тамошних племен овских и кипчакских без повеления картлийского царя» [Леонти Мровели 1979: 90]. Собственно, мы имеем дело с позднейшей интерполяцией [Алемань 2003: 414, сн. 40].

Исследователи отмечали явную идеализацию и прямое преувеличение заслуг Вахтанга, т. к. «Ворота алан» функционировали задолго до него. Но в сообщении видят и рациональное зерно, которое выражается в указании на подчинение, а не на завоевание овсов, т. е. усиление позиций Картли на Северном Кавказе происходило преимущественно дипломатическим путем [Леонти Мровели 1979: 90-91]. Сведения о Вахтанге Горгасале происходят из произведения «Жизнь Вахтанга Горгасала» Джуаншера Джуаншериане. Оно было составлено только в XI в., т. е. гораздо позже описываемых

в нем событий. Отсюда и такие анахронизмы, как присутствие кипчаков. Источник рисует несообразующиеся с действительностью грандиозные, а порой фантастические деяния правителя Картли. Но само царство Картли, например, согласно армянским источникам, было в то время незначительным и слабым в военном отношении, не имевшим сколь-нибудь заметного влияния на Северном Кавказе, о чем свидетельствовали армянские источники [Габриелян 1985: 42].

Собственно, Картли давно находилась в вассальной зависимости от Персидской империи. Попытки противостоять персам ничего не приносили. Тот же Вахтанг Горгасал более лавировал между Персидской и Византийской империями. Особые его «успехи» в борьбе с овсами также весьма сомнительны. Тот же знаменитый набег овсов в Картли, определяющий историю больших побед Вахтанга в Овсети в «Жизни Вахтанга Горгасала», как давно определили исследователи, был гуннским вторжением. Как мы знаем, именно вторжение активизировало требование персов к византийскому императору по поддержке Дарьяльского укрепления.

Время жизни Вахтанга Горгасала обычно определяется 40-ми гг. V в.-501 г. Однако более точно полагается, что он погиб во время вторжения персов в Картли в 491 г. [Цулая 2007: 196-197; Мишин 2014: 198]. Но для этого периода, как мы знаем, Дарьяльское укрепление всегда находилось в руках персов, либо небольшой срок в руках «гунна Амбазука». Более того, владения Картли от Дарьяльского укрепления отделяли горы Кавказа, где жили народы, не подчинявшиеся Картли. Таким образом, Вахтанг Горгасал не мог ни строить укрепление, ни ставить в нем гарнизон из местных горцев.

Сведения «Жизни Вахтанга Горгасала» в отношении Дарьяльского укрепления следует признать выдумкой. В лучшем случае, картлийцы могли привлекаться персами для строительных или ремонтных работ в качестве рабочей силы или составления части гарнизона. Но крепость оставалась персидской и служила интересам Персидской империи, которым служили и закавказские вассалы персов. Следует отказаться от необоснованной идеи [Тогошвили 2012: 67-68], что якобы Вахтанг вернул Дарьяльское укрепление, за которое и шла война. Не происходило подчинение овсов Картли и дипломатическим путем.

Вскоре судьба Картли была радикально решена Персидской империей. В 523 г. Картли было запрещено иметь собственного суверенного правителя. В том же году Картли было поделено между Персией и Византией. Персы перенесли центр управления Картли из Мцхета в Тифлис. Тогда же персы, согласно «Мокцевай Картлисай», списки которой датируются X и XI вв., значительно усиливают свои позиции непосредственно в горных

проходах Кавказа: «... в особенности завладели Грузией, вошли в Кавказские горы и построили для себя врата Осетии, а именно: одни большие врата в самой Осетии, двое ворот в Двалии и одни врата в Парачвани Дурдзукском; поставили там тамошних горцев в качестве пограничной охраны, затем назначили одного человека начальником в Цанарском ущелье и подчинили ему. А когда пришел царь Ираклий, персы были сокрушены», «персы возвели также оборонительную стену Клисурса, когда они соорудили Ворота Овсети, и они ее сделали больше, чем Ворота Хазар» [Мкртумян 1972: 231-232; ALEXIDZÉ 2000: 677; Еремян 1941: 39; Гаглойти 2007: 33; Гаджиев 2013: 63].

Данные сведения находят себе параллель в армянской «Ашхарацуйц» VII в., известной в списках краткой и единственной пространной редакций. В краткой редакции указывается: «Цанары, в земле которых (у которых) проходы Аланский и Цекан». В пространной редакции: «Цанарка, в земле которых находятся ворота Аланские и другие ворота Кцекен, названные по имени народа» («Цанаров, у которых аланские ворота, и другие ворота, называемые Целкан») [Армянская География 1877: 37; Патканов 1883: 28, 30; ГАБРИЕЛЯН 1985а: 17; 2001: 93; The Geography of Ananias 1992: 55, 56].

Таким образом, источники фиксируют положение с Дарьяльским укреплением на протяжении одного века. Горный проход оставался вне владений Картли, а его охрана передавалась под надзор правителя цанаров (корикоз, хорепископ). Цанары обычно локализуются в верховьях р. Терек и по южным склонам Главного Кавказского хребта. Вопрос об их этнической принадлежности остается дискуссионным (древнегрузинская, древнедагестанская, древненахская, «арийская», «аланская»), тогда как дальнейшая история народа будет связана с Кахетией, где произошла его ассимиляция грузинским этническим элементом.

Но данный вопрос не важен для нашей проблемы. Поручение надзора за охраной цанарскому хорепископу не означало, что цанары непосредственно проживали у Дарьяльского укрепления или сами составляли его охрану. Поэтому, видимо, если «Ашхарацуйц» включает укрепление в территорию цанаров, то «Мокцевай Картлисай» – в территорию Осетии. Позднее у ал-Масуди царство Цанария помещается за Дарьяльским укреплением [D'OHSSON 1828: 18; MINORSKY 1958: 161-162], т. е. территория непосредственно самой крепости не относилась к владениям цанар. Не относилось к их владениям и само Дарьяльское ущелье, лежавшее к северу от укрепления. Приведенные данные сопоставимы со сведениями Константина Багрянородного о «Каспийских воротах», которые находятся в Азии, в названии которой представлено название асов-алан [MINORSKY 1937: 445, п. 4; АЛЕМАНЬ 2003: 243, 245]. Объявлять цанаров древнеингушским обществом

и помещать их в Дарьяльском ущелье и вокруг него [АКИЕВА 2014: 11] можно только в случае полного отсутствия представлений о затрагиваемом вопросе.

Служба цанаров отвечала интересам Персидской империи и составляла неотъемлемую часть персидской политики. Предложенные персами цанарам условия были взаимовыгодны. Для цанаров они служили, кроме вероятного важного источника доходов, основанием для консолидации в условиях повышения собственного престижа в регионе. Персы же решали не только вопрос с усилением своего контроля над транскавказским проходом за счет привлечения на свою сторону населения, адаптированного к местным природно-географическим условиям, но и вопрос с ненадежностью Картли.

На то, что Дарьяльское укрепление являлось персидской твердыней, указывают другие источники. Себеос сообщал, что Хосров I Ануширван (531-578 гг.) укрепил, запер Аланский проход [ЕРЕМЯН 1941: 36; ГАБРИЕЛЯН 1989: 81; 2001: 95]. Ал-Баладури также указывал, что персидский правитель наряду со многими другими местами укрепил Баб ал-Лан, построил там крепость [ГЕНКО 1930: 711-712; АЛЕМАНЬ 2003: 330]. О постройке им крепости сообщали Ибн ал-Асир, Ибн ал-Факих ал-Хамадани и Ибн Хордадбех [ТАРИХ-АЛ-КАМИЛЬ 1940: 10; СВЕДЕНИЯ АРАБСКИХ 1902: 15; ИБН ХОРДАДБЕХ 1986: 109].

По заключению исследователей, Хосров I Ануширван около 559 г. нанес поражение северокавказским савирам и аланам, после чего использовал их силы в качестве наемной охраны персидских крепостей в северо-восточной части Албании, в шахре Адурбадаган (современный Азербайджан) (в 571 г. византийцы переселили их на свою сторону). После заключения мира с Византией в 561 г. персидский правитель мог приступить к строительству Хумаринского укрепления в верховьях Кубани [СЕМЁНОВ 2015: 236-238, 254, 257], т. е. во владениях алан, которые должны были соответственно поддерживать условия договора [ГАДЖИЕВ 2013: 62-63]. Возможно, некоторые археологические находки на территории современной Абхазии свидетельствуют не только о присутствии алан в VI-VII вв. в составе персидских и византийских отрядов, о торговых, брачных и иных отношениях с апсилами [ВОРОНОВ 1990: 52; ВОРОНОВ, БГАЖБА 2008: 373; НЮШКОВ 2014: 148-149], но и об их подобной пограничной службе.

На то, что именно персы оставались владельцами Дарьяльского укрепления, могло бы указывать сообщение Менандра о заключенном в 561 г. персидско-византийском договоре, по которому персидский правитель обязывался препятствовать проходу других народов во владения византийцев через ущелье прохода Хоруцон и через Каспийские Ворота. Если

одни исследователи полагают, что речь идет о Дербенте или иных проходах с Северного Кавказа [ТРЕВЕР 1959: 232], то другие не исключают отнесение сведений непосредственно к Дарьялу [АЛЕМАНЬ 2003: 253, 255]. Возможно, сведения о Дарьяльском укреплении повлияли на поэтическое упоминание Фирдоуси, что аланы без боя покорились Хосрову I Ануширвану, обещаясь построить замок и высокие стены [АЛЕМАНЬ А. 2003. Р. 2]. Конечно, мы имеем дело с поэтической вольностью автора, для которого некоторые исторические реалии служили лишь предлогом для создания собственных эпических картин.

Здесь следует остановиться на проблеме наименования Дарьяльского укрепления в различных источниках. В определенных случаях она связывается с вопросом о его построении. В грузинских источниках оно получает название «Арагвских ворот», что связано с названием современного Терека. Истоки Арагви и Терека лежат близко друг к другу, что давало повод применять к ним одно название, но с возможным уточнением об Арагви Картлийском и Арагви Овском. Называли, как мы знаем, укрепление и Овскими воротами, что соотносится с их непосредственной локализацией. Данное определение соответствует определению «Аланские ворота», которое иногда, в силу отмеченных выше причин, в некоторых армянских источниках ошибочно заменяется «Албанскими воротами».

Прокопий Кесарийский приписывал построение укрепления Александру Македонскому. Трудно сказать, какой из проходов, Дарьяльский или Дербентский, подразумевал под «Александровыми запорами» скал Кавказа Иероним (Hier. Epis. 77, 8). Данная книжная традиция была очень устойчивой, отразившись например, в XII в. в сообщении Вениамина Тудельского [АЛЕМАНЬ 2003: 431], в XIII в. – в сообщении Степаноса Орбеляна [ВАС 2017: 10-11], в XVII в. – в сообщении Аракела Даврижеци [ГАБРИЕЛЯН 1985б: 29]. Она же видна в образе «Врат Железных» русских летописей. «Дербент-наме» будет приписывать Александру Македонскому строительство Дербентского укрепления, а грузинские источники будут приписывать ему завоевание Картли и устройство данного царства. Конечно, никакого отношения к Кавказу история Александра Македонского не имела. Мы сталкиваемся с влиянием легенд о великом завоевателе, о построенных им на востоке запорах против варваров, что при географической аберрации было перенесено на Кавказ, который объединялся в единую горную систему с более восточными горными территориями. Образ Александра настолько повлиял на восприятие истории, что он вводился во многие исторические повествования, не имея к тому действительных оснований.

В мусульманской литературе параллелью к такой легендарной истории становились утверждения о построении укрепления Испандийаром

(Синдбад), сыном Гиштаспа, как отмечали ал-Масуди, ал-Казвини и 'Абд ар-Рашид ал-Бакуви, «Дербенд-наме» [D'OHSSON 1828: 24; АЛЕМАНЬ 2003: 347, 353; 'Абд ар-Рашид ал-Бакуви 1971: 97; Дербенд-наме 2017: 12, 37, комм. 43], или «одним из мифических персидских царей», по Йакуту ал-Руми [Ибн Хордабех 1986: 305, комм. 49]. Делать из такого положения вывод о том, что крепость существовала задолго до Сасанидов [Новосельцев 1969: 133], невозможно. С данным кругом легенд связано и приписывание Давидом Багратиони в начале XIX в. строительства крепости персидскому полководцу Ардабу при правителе Феридуне, сыне Джамшида. Одновременно названию крепости давалось и ложноэтимологическое значение «горская крепость» [ДАВИЛ БАГРАТИОНИ 1971: 46].

У того же Прокопия Кесарийского (Proc. Bell. Goth. 8, 3, 4), жившего в VI в., крепость носит и название «Каспийские ворота» [Кулаковский 2000: 123-124], которое ошибочно применялось к укреплению в Картли, о чем сообщал еще Плиний. Попытка скорректировать данное отождествление [Кузнецов 1962: 34-35] безосновательна. Столь же безосновательна попытка отрицать связь крепости с Дарьялом [Арсанукаев 2002: 91-94], что продиктовано субъективным желанием пересмотреть научные представления о происхождении алан. Аналогичная локализация «Каспийских ворот» представлена и в другом произведении Прокопия Кесарийского (Proc. Bell. Pers. 1, 10, 3-7; 12, 2). Попытка связать с «Каспийскими воротами» как Дарьялом «Торайские ворота» Михаила Сирийца [Войников 2016: 7, 16, прим. 9-11] безосновательна.

Несомненно, под «Каспийскими воротами» рядом с лазами подразумевал Дарьял Иордан (Iord. Geth. 51, 55). К сведениям Плиния [Латышев 1949: 281, сн. 13; Аланика 1999: 239, 245, комм. 27] восходит и сообщение Мартиана Миннея Феликса Капеллы, жившего в V в., о Каспийских воротах, заложенных железными бревнами [MARTIANI 1836: 558], что не должно прямолинейно прилагаться [Алиев 1987: 54, 67; Сланов 2011: 99; 2014а: 61] к Каспию и Дербентским воротам, но может, действительно, относиться и к Дарьялу [Сланов 2014б: 88].

Таким образом, мы наблюдаем перенос названия укрепления Картли, впервые запершего центральный транскавказский проход с юга Главного Кавказского хребта, на Дарьяльское укрепление, запиравшее центральный транскавказский проход с севера. Такому переносу могло способствовать давнее общее определение прохода, например, у Тацита, как «Каспийской дороги». Кроме Прокопия, название, возможно, повторяется у Менандра (Men. Prot. Fr. 11) и, несомненно, несмотря на некоторые иные трактовки [Акопян 2015: 141], у Константина Багрянородного (Const. Porph. De cerim. 2, 48). Таким образом, название «Каспийские ворота» иногда прилагалось

к Дарьяльскому укреплению как результат ошибочного, к тому времени уже книжного определения.

На первый взгляд, такое же книжное определение могло сказаться еще в одном названии, несомненно, Дарьяльского укрепления – Юройпах (Ιουροειπααχ, Ουροεισαχ) (PRISC. Fr. 25, 31), зафиксированном, например, Приском Панийским [DEHIPPI 1829: 159, 161; DIGNAS, WINTER 2007: 193, n. 94]. Также крепость называлась и у Агатангехоза – Ιυροј ραηακ [ГАБРИЕЛЯН 2001: 208, комм. 474]. Иоанн Лаврентий Лид (Lyd. De mag. III, 53) пояснял, что крепость называется Βιραταραχ (Βιριταραχ) персами [IOANNES LYDUS 1837: 245]. Не сразу [Сказание Приска 1861: 89, сн. 113; ПАТКАНОВ 1863: 13, сн. 1], но исследователями было надежно установлено, несмотря на некоторые отличные мнения [ПАТКАНОВ 1877: 38, сн. 137; BRAUND 1999: 269, n. 8], что данное название *Wiroj-rahak означает «Иверии стража» (от армян. Wēr – «ивер», «картлиец», род. п. *Wiroj) [МОММСЕН 1885: 401, сн. 1; TOMASCHEK 1897: 489; КУЛАКОВСКИЙ 2003: 336-337, сн. 3; MARQUART 1901: 99-103; MARKWART 1931: 100; АРТАМОНОВ 1962: 62-64; ISAAC 1999: 230, n. 62; СЕМЕНОВ 2016: 329-331]. Локализация укрепления в верховьях реки Иори [ГАДЛО 1979: 53] ничем не обоснована и может быть справедливо отвергнута.

Заметим также, что утверждение о том, что античные авторы часто называли Дарьяльские ворота Гирканскими воротами [ГУМБА 2016: 364], не имеет никаких оснований. Формальным поводом к тому могли бы послужить, например, сведения об одном из ранних походов алан, вошедших в соглашение с гирканским царем (Ios. Bell. Jud. VII, 244-251; Cassiod. Ios. Bell. Jud. VII, 42; Heges. 50), за которым иногда и сейчас пытаются усмотреть иберийского правителя [СУЛЕЙМАНОВА 2013: 87]. Однако данный подход не учитывает иных аргументированных решений [ТУАЛЛАГОВ 2014: 65-98].

Название «Иверии стража» напоминает отмечавшееся название «Ворота Иберии» (Portas Hiberiae) у Плиния (PLIN. NH. VI, 40, 3) [С. Plini Secundi 1906: 445; ПОДОСИНОВ, СКРЖИНСКАЯ 2011: 194, 195]. Можно бы было предположить, что на Дарьяльское укрепление вновь перенесено название укрепления, располагавшегося с южной стороны Главного Кавказского хребта, замыкавшего транскавказский проход непосредственно на границе Картли. Но, как мы знаем, Дарьяльское укрепление не являлось крепостью Картли, а ее обозначение Βιραταραχ именно персами свидетельствует об их непосредственном отношении к укреплению.

Ответ на вопрос кроется в системе военно-административных преобразований Персидской империи. Среди образованных персидских провинций отмечается кавказская провинция Кустак-и-Капкох (K'usti Kapkoh,

Kōst-i Karkeh) [The Geography of Ananias 1992: 13, 72, 149, 231], в которую в числе тринадцати других образований, включалась и страна Вирк, или марзпанство Варджан, т. е. Картли (Иверия), созданное после 387 г. [Гумба 2016: 246-247] и управлявшееся персидским марзпаном.

В таких рамках, как мы знаем, Картли находилась сначала как царство, а затем как лишенное своей государственности образование. В марзпанство включалась и Цанария, правителю которой Персия поручила надзор за центральным транскавказским проходом, т. е. выделение Цанарии происходило в рамках военно-административного устройства персидской провинции. Поэтому следует согласиться с решением, что Дарьяльское укрепление как «Иверии стража» охраняло северную границу провинции Кустак-и-Капкох, в которую входило и марзпанство Варджан, а не границу государства Картли (Иверия) [Гумба 2004: 163-166; 2007: 133; 2016: 41-43], как некогда «Ворота Иберии» Плиния в районе Жинвали.

В последнее время было высказано и неожиданное мнение о том, что, вероятнее всего, Аланские ворота в III-IV вв. находились под контролем хонов (масахо-хоны) [Гумба 2016: 134]. Но для данного периода нет никаких оснований полагать возможность наличия охранного рубежа с северных склонов Главного Кавказского хребта со стороны населения, находившегося с юга от него. Для тех конкретных хонов, о которых идет речь, остается безосновательной и бесцельной охрана здесь укрепления, тем более, когда им приписывается охрана, видимо, еще не существовавшего укрепления.

Речь конкретно идет о некоем народе или племени хонов, который упоминается в черед горских народов в «Ашхарацуйц» [Армянская География 1877: 37; Патканов 1883: 28]. Объявляется, что хоны, по «Ашхарацуйц», располагались по обоим склонам Главного Кавказского хребта [Гумба 2007: 232]. Но в источнике данная локализация не представлена. Видимо поэтому отсутствие оснований для желаемой локализации прикрывается данными по современной топонимике, которая сама по себе ничего не решает. Однако вполне вероятно, что некие хоны, этническое лицо которых никак не определяется, входили, по «Ашхарацуйц», в число горских народов южных склонов Главного Кавказского хребта.

Хоны «Ашхарацуйц» обозначаются как «нахская родоплеменная группа» хоной [Гумба 2016: 164], которая изначально определялась как «нахская родоплеменная группа гуннов (гуной)» [Гумба 1987: 93]. Надо понимать, речь шла о современном чеченском тейпе гуной (гуьна). Но, в конечном итоге, хоны объявляются конкретно «ингушской родоплеменной группой» хоной, или хонов [Гумба 2007: 232, 233; 2016: 126-127]. Без точного определения источника указывается на свидетельство грузинского

документа XIII в. о народе хунаги, чье название определяется как оформленное по правилам нахских языков, правда, разным [Гумба 1987: 93; 2007: 233]. В конечном итоге, хоны связываются с ингушской родоплеменной группой хоной, прежде проживавшей в верховьях р. Армхи [Гумба 2016: 126-127].

Конечно, такое использование современной этнонимии научно недопустимо. Но оно является лишь составной частью весьма субъективных и тенденциозных обобщающих заявлений и построений. С сожалением, но приходится согласиться, что их автор втянулся в современную «этнополитическую игру, далекую от истинной науки» [Халидов 2017: 74].

Для автора идеи, например, даже уже не важно определяемое им самим различие в написаниях названий горных хонов и равнинных, за вторыми из которых скрываются различные исторические гуннские объединения, включавшие в свой состав как тюркские в своей основе, так и исторически ираноязычные (аланские) этнические группы. Собственно, крайне узкий круг списков с иным написанием названия народа не снимает до конца возможность ошибочного помещения названия гуннов [Алемань 2003: 371]. Автор сводит воедино все возможные, с его позиций, сведения по хонам, а также подбирает определенные мнения исследователей по дискуссионным проблемам этнического определения хонов, которые выдаются за единственно верные или принятые в науке.

В результате, из локальной горской группы хонов «Ашхарацуйц» у него вырастает целый этнический нахский массив, охватывающий огромные пространства всей восточной горной и равнинной частей Кавказа по обе его стороны, смыкаясь с обеих сторон на Аланских воротах. Хоны оказываются и масаха-хуннами, т. е. объединением цово-тушин с хонами, и цанарами, и аланами, включают в свой состав и ираноязычные племена. С позиций искусственно сконструированной и далекой от исторических реалий картины автору становится понятным, почему, по Лазарю Парпеци, Васак Мамиконян заключал договора у Аланских ворот с хонами. Это были «нахские хуны (хоны)» [Гумба 2016: 126-152]. Но никаких оснований для подобной трактовки сведений о тех же «масаха-уннах» нет [Малашев, Гаджиев, Ильюков 2015: 146-152].

Несомненно, «Ворота алан» служили преградой для вторжений в Закавказье воинственных народов с севера, включающих и гуннов, называемых в различных источниках в том числе хонами. Собственно, подтверждением контроля «Ворот алан» «нахоязычными хонами» служит утверждение из «Географии» Вардана Великого XIII в., что граница «...Армении начинается от Хонских ворот, которые есть Аланские железные ворота, которые построил Александр Македонский» [Гумба 2016:

134]. Естественно, автора не смущает сведение в очень кратком отрывке исторических и легендарных утверждений.

Бесспорно, граница Армянского царства никогда не доходила до Дарьяльского укрепления. Но еще при персидских Сасанидах Армения, лишенная в 428 г. своей государственности, была превращена в марзпанство Армн, вместе с Картли и Цанарией входившее в провинцию Кустак-и-Капкох, объединявшую все Восточное Закавказье. Позднее арабы, завоевав Восточное Закавказье, повторили персидский опыт, организовав в 701 г. провинцию ал-Арминийа (al-Arminiya) [The Geography of Ananias 1992: 13], просуществовавшую до 884 г. В нее также вошли Картли и Цанария, последняя из которых долго оказывала мужественное сопротивление арабам. Таким образом, Дарьяльское укрепление становилось северным форпостом не Армении, а арабской провинции ал-Арминийа, как ранее оно было таким же форпостом персидской провинции Кустак-и-Капкох. Данное положение, например, позволяло Себеосу в VII в. сообщать о письме конца V – начала VI вв., в котором обещали отдать армянским нахарарам «всю землю Армянскую до Капкоха и ворот Аланских» [Габриелян 1985а: 19].

Таким образом, Вардан Великий, формально используя сведения по истории ал-Арминийа, приписал их к истории Армении. Поэтому сведения о Хонских воротах не уходят далее 701 г. С того времени до времени составления труда Вардана Великого в XIII в. не раз фиксировались сведения о связи ворот с миром гуннов, частью которого, например, в глазах окружающих были хазары. Поэтому Вардан Великий имел возможность проявить свою книжную эрудицию, упоминая как легендарное построение Дарьяльского укрепления Александром Македонским, которому приписывали создание и Дербентского укрепления, так и обозначение ворот Хонскими. В этом случае он имел возможность опереться на сведения о тех же хазарах, т. е. гуннах, установивших свою гегемонию на Северном Кавказе и активно привлекая, в том числе, силы алан, противодействовавших арабской экспансии в северокавказском регионе.

Остается отметить, что идея о «нахских хонах» в связи с Аланскими воротами могла бы как-то соотноситься с идеей об «укреплении хонов» («пахак хонов»), которое не стоит отождествлять [Сулейманова 2013: 109] с «крепостью Юроейпах». «Пахак хонов» никак не связан с Дарьяльским укреплением [Сулейманова 2004: 56-62], а сопоставление со сведениями о «белых гуннах» сирийского «Жития Петра Ивера» и сведениями о просьбе Пероза денег от Византии на содержание крепости Юроейпах [Сулейманова 2008: 321; 2008а: 47-48; 2013: 109] никак не определяет такого отождествления.

Кроме того, при указанных сопоставлениях данные «белые гунны» относятся к ираноязычным народам «сарматского круга» (хиониты, кидариты, эфталиты). Обычно под «белыми гуннами» подразумеваются ираноязычные среднеазиатские народы, подвергавшиеся постепенной тюркизации. Заметим, что сведения «Жития Петра Ивера» о «белых гуннах» рядом с иверами могли бы объяснить упоминавшиеся сведения о правителе гуннов с иранским именем Амбазук и предложить новые подходы в рассмотрении проблемы взаимоотношений «гуннов» и алан в Придариалье.

Если мы обратимся к истории Хазарского каганата, то ал-Масуди сохранил сведения конца VIII в. Ибрахима ал-Фазари о размерах страны хазар и алан [АЛЕМАНЬ 2003: 352], т. е. единого владения. В IX в. Ибн Хордадбех также сообщал о «стране хазар и алан» [Ибн Хордадбех 1986: 135]. Ибн Руста в начале X в. отводил владениям хазар земли вплоть до Кавказских гор [АЛЕМАНЬ 2003: 344]. Абу Саид Гардизи, писавший в период правления газневидского султана Абд ал-Рашида (1050-1053 гг.), повторил данные сведения [БАРТОЛЬД 1973: 57]. В «Дербенд-наме» «Аланские ворота» (Алакапу) ведут в страну кяфиров, под которыми подразумеваются хазары [Дербенд-наме 2017: 12, 37, комм. 45]. Таким образом, владения алан оказываются полностью «поглощены» владениями хазар.

В то же время Мухаммад Ибн Мусса ал-Хваризми в IX в. непосредственно отмечает «Ворота хазар и алан», или «Ворота хазар», соответствующие Дарьялу [КАЛИНИНА 1988: 42, 72, 73]. Некоторые исследователи полагают, что сведения о «Воротах хазар и алан» говорят о паритетных отношениях народов [ЦУЛАЯ 2007а: 288]. Собственно говоря, названия ворот, находившихся в распоряжении арабов, могут свидетельствовать о том, что они рассматривались как укрепления против вторжений хазар и алан. Параллелью такому положению может служить справедливое замечание исследователей, что Дербент, находившийся в руках арабов, получил в «Худуд-ал-алам» название Дарбанд-и Хазаран – «Крепость хазар», хотя справедливо было называть его «Крепость против хазар» [ЗАХОДЕР 1962: 120]. В целом все приведенные данные демонстрируют на частном примере проявление крайнего субъективизма и тенденциозности автора идеи о «нахских хонах», якобы контролировавших Дарьяльское укрепление.

В XVIII в. Вахушти Багратиони [ГАГЛОЙТИ 2007: 81], используя сведения «Картлис Цховреба» о строительстве картлийским правителем Мирваном каменных ворот Дарубал, ошибочно отождествляет их с крепостью Дарьял, пытаясь еще дополнительно придать названию «Дарьял» ложную грузинскую этимологию «победитель». Это же укрепление, по Вахушти Багратиони, называется европейцами Кавказскими воротами, т. е. происходит перенос на укрепление давних сведений об укреплении к югу

от Главного Кавказского хребта. Выше (южнее) же крепости, на правом берегу р. Терек, Вахушти Багратиони помещает построенный картлийским правителем «замок Давида», т. е. Давида Возобновителя.

Но локализация указанных пунктов не исключает, что царевич говорит об одной и той же Дарьяльской крепости. Уже не стоит удивляться мнению Вахушти Багратиони, что ниже (севернее) крепости якобы находятся остатки дворца, в котором якобы останавливались картлийские цари во время походов в Осетию. Сами же ворота и крепость были построены против хазар и овсов, чтобы они не могли проходить, минуя эту крепость.

Некоторые исследователи полагают, что «крепость Давида» Вахушти Багратиони действительно является той же Дарьяльской крепостью, но располагавшейся на левом берегу р. Терек. Сама же Дарьяльская крепость отождествляется с мощной оборонительной стеной, построенной на левом берегу р. Терек несколько ниже (севернее). Что касается бывшего дворца царей, то его предложено локализовать поблизости от с. Чми [Миндорашвили Д. 2001]. Если последнее решение ничем не может быть обосновано, то первые два вполне допустимы. В то же время следует допустить, что поводом для информации о «замке Давида» могли послужить Гвелетские укрепления. В любом случае, неисторичность информации Вахушти Багратиони вполне очевидна.

Отмечаемый действительный контроль арабов над Дарьяльским укреплением, сменивший контроль персов, надежно фиксируется письменными источниками. Вместе с тем, данные сведения позволяют привести и дополнительные наблюдения. Согласно ал Балами, в 642 г. Худайфа б. Асад был послан к тем горам и городам, которые лежат напротив прохода алан, укрепил проходы хазар и алан [Алемань 2003: 356]. Надо полагать, что укрепление прохода алан происходило со стороны Закавказья. Ал-Табари сообщал, что в 724/725 г. Маслама б. Абд ал-Малик продолжил кампанию против алан, заключил мир с населением, собрав с него на следующий год джизья, т. е. налог, накладывавшийся на немусульманское население. Видимо, его сведения повторил ал-Дахаби [Алемань 2003: 334, 355]. Халифа Ибн Хайята ал-‘Усфури сообщал, что в 724/725 г. заключил мир с аланами, отдавшими ему харадж и джизья, ал-Джаррах, который впервые запер и Аланские ворота [Бейлис 2000: 39, 49]. Надо полагать, что арабами был применен метод подчинения «сулх» («путем мирного договора»), когда по мирному договору и при соответствующих выплатах население продолжало мирную жизнь, избегая разрушений и грабежей (метод «анватан» – «силой оружия»).

По ал-Якуби, Джаррах совершил поход против «Ворот Аллана» в 724 г., а на следующий год вновь вторгся в Аллан. В 727-728 г. поход против тюрок совершает Маслама. Он преграждает им путь у «Ворот Аллана» и

сталкивается с хаканом. По другому варианту, он захватывает у тюрок «Ворота Аллана» [Якуби 1927: 6, 7]. Несомненно, под тюрками подразумеваются хазары. Некоторые иные трактовки результатов похода [Хизриев 2003: 51] обусловлены как незнакомством с данными источниками, так и с искажением данных используемых научных работ других авторов [Кузнецов 1984: 106].

Интересно, что имя знаменитого арабского завоевателя ал-Джарраха, вполне вероятно, сохранилось до сего дня в названии Джейрахского ущелья современной Ингушетии, выходящего непосредственно на Дарьяльское ущелье [Кузнецов 1977: 12; Сулейманов 1978: 7]. Заключение арабским полководцем мирного соглашения с аланами позволяет полагать, что задержание им «Ворот алан» могло подразумевать не их захват, а некие обязательства алан в отношении контроля за ними.

По ал-Табари, правитель провинции ал-Арминийа (ошибочно назван [Сланов 2014: 276] наместником Армении) Марван б. Мухаммад в 735/736 г. послал экспедицию, которая захватила три крепости в стране алан [Алемань 2003: 355]. Гипотетически одну из взятых крепостей и идентифицируют с Дарьяльским укреплением, тогда как две другие с укреплениями в районе Суаргома (совр. Северная Осетия) и в Джейрахском ущелье [Ковалевская 2005: 114-115]. События подтверждаются сведениями ал-Усфури [Бейлис 2000: 42].

Как отмечали исследователи, в 737 г. арабы вновь «огнем и мечом проходят через Аланские ворота в страну алан» [Новосельцев 2000: 275]. Во время похода, по ал-Балами, арабы убивали и сжигали все [Алемань 2003: 356]. Рассказ ал-Куфи о том, как арабский полководец «вторгся в Баб Алан, где убивал, брал в плен и сжигал» [Сведения арабских 2002: 467], справедливо воспринимается как указание на то, что местное аланское население оказало ожесточенное сопротивление, которое могло быть организовано при участии хазар [Тортика 2006: 272]. Мнение, что во время этих походов арабы лишь быстро проходили через земли алан [Ковалевская 2002: 66], не учитывает данные всех источников. По ал-Усфури, Марван проник в «Ворота алан», прошел земли ал-Лан и совершил дальнейший победоносный поход против хазар [Бейлис 2000: 43]. По ал-Баладури, Марван вторгся со стороны Баб-ал-Аллана [Сказания мусульманских 1870: 37-38; Алемань 2003: 330].

По ал-Баладури, Дарьяльское укрепление было захвачено правителем ал-Арминийа Йазидом б. Усайд ал-Салами (752-765 гг.) около 758 г. Некоторые исследователи датировали событие 754 г. Были покорены и цанары, согласившиеся по договору выплатить харадж. В Дарьяльском укреплении была размещена конная стража из наиболее верных воинов с

регулярным денежным содержанием [MARQUART 1903: 166; АРТАМОНОВ 1962: 241; Мкртумян 1975:212; Новосельцев 1990: 189; АЛЕМАНЬ 2003: 331]. Позднее ал-Масуди, совершивший путешествие к Каспию и на Кавказ во второй половине 930-х гг. и составивший впервые свой труд в 943 г., сообщал, что «Замок Ворот алан» охраняется арабским гарнизоном, получающим провиант из тифлисского пограничья, с тех пор как Маслама б. Абд ал-Малик б. Марван пришел в страну алан и покорил ее народ [D'OHSSON 1828: 24-25; АЛЕМАНЬ 2003: 347-348]. Давнее отождествление «Замка Ворот алан» с Дарьяльским укреплением вполне обоснованно [КАРАУЛОВ 1908: 53-54, 73-74, прим. 102], в отличие от надуманных тому возражений [Мизиев 2010: 138].

Согласно «Жизни Вахтанга Горгасала», Ворота Дариала были захвачены Мурваном Глухим, т. е. наместником халифа, пришедшим на Кавказ в 735/736 г. [АЛЕМАНЬ 2003: 415; Цулая 2007: 259], и будущим халифом Мерваном II. Захват относится к периоду правления халифа Хишама (724-743 гг.) [ДЖУАНШЕР ДЖУАНШЕРИАНИ 2008: 108, 131-132, комм. 23-25; JUANSHER JUANSHERIANI 2014: 111; Мкртумян 1975: 211].

В армянском анонимном источнике, который иногда приписывают Шапуху Багратуни, повествуется о захвате крепости у Аланских Ворот арабским полководцем Ахматом, который затем вместе с полководцем Малимом потерпел жестокое поражение от алан [ГАБРИЕЛЯН 1985а: 43; 1989: 83-85, 99]. События в источнике помещаются перед 717-718 гг. Однако вполне правы исследователи, полагающие, что данные события являются вымышленными [АЛЕМАНЬ А. 2003. С. 384-385], что упускается в некоторых публикациях [Гутнов 2007: 252-253; Сланов 2014б: 88]. Поэтому безоговорочно полагать, что в тот период укрепление находилось под контролем алан [Сланов 2014: 277], мы не можем.

Сложно согласиться и с мнением, что во второй половине VIII в. укрепление вновь отошло аланам. Оно апеллирует к сообщению из «Мученичества Або Тбилели» Иоанэ Сабанидзе, составленному в 786-790 гг., вскоре за описываемыми в них событиями, о «воротах осетин, которые именуются Дари-Алан» [Сланов 2014: 277; 2014б: 88]. Речь может идти о грузинском эквиваленте персидского названия (смотри и вставку с аналогичной формулировкой в «Жизни Вахтанга Горгасала»), т. к. в грузинских источниках аланы, за редчайшими исключениями, назывались овсами.

Расходясь в определении времени и конкретных событий подчинения Дарьяльского укрепления под непосредственный контроль арабов, как единовременного или повторившегося акта, остается неизменным положение о переходе укрепления к арабским завоевателям в VIII в. Их контроль сохранялся как минимум примерно до второй половины 930-х гг.

или середины X в. Сам же захват укрепления у алан свидетельствует о том, что в какой-то момент, после ослабления, а затем потери господства Персии в Восточном Закавказье, Дарьяльское укрепление перешло во владения алан. Тому могло способствовать и утверждение господства Арабского халифата в Восточном Закавказье, отрезавшее на время укрепление от поддержки с юга.

Однако сообщение Я‘куби дает повод полагать возможность, что крепость находилась под контролем хазар, т. е. они могли овладеть ей после персов или взять у алан, поставив там свой гарнизон или сохранив аланский гарнизон. Возможно, крепость перешла от персов в связи с поражением Персии в византийско-персидских войнах 602-628 гг., когда византийский император Ираклий I нанес Персии тяжелые поражения, а правитель Западнотюркского каганата, в котором находились и хазары, Джебукаган жесточайше разорил Тифлис. Приведенные данные надежно опровергают мнение, что «Ворота алан» принадлежали канарам, а арабы только пытались установить свой контроль над ними [ZUCKERMAN 2003: 134-139, 160]. Как уже отмечалось, канары вынужденно подчинялись арабам, а впоследствии потерпели от арабов жесточайшее поражение, но продолжили свое мужественное сопротивление [Мкртумян 1975: 213].

Судя по всему, сообщение Ибн Руста [Алемань 2003: 343], составившего свой труд около 903-913 гг. и не знакомого с описанием ал-Масуди, о крепости «Ворот алан», чьи стены охраняли тысячи людей из числа ее обитателей [MINORSKY 1958: 169; Алемань 2003: 343], относится к тому же состоянию укрепления. Но в анонимном источнике «Худуд-ал-Алам», составленном в 982/983 г., город Дар-и-Аллан располагается на высокой скале и охраняется ежедневно сменяемой охраной из тысячи человек. Этот город называется самым процветающим из городов Аллана.

Таким образом, следует заключить, что между временем свидетельств ал-Масуди, скептицизм по отношению к которым [ZUCKERMAN 2003: 160] неубедителен, и «Худуд-ал-алам» Дарьяльское укрепление перешло под контроль Аланского государства, что было связано с его усилением и параллельным ослаблением позиций арабов на Кавказе. Теперь гарнизон крепости обеспечивался непосредственно на месте и не зависел от закавказской поддержки. Процветание «города» могло быть связано и с его таможенным положением на одном из важнейших транскавказских перевалов.

Возможно, период перехода крепости под контроль алан следует сузить, если признать упоминавшиеся сведения Константина Багрянородного, фиксируемые около 946 г., о «Каспийских воротах» в Азии, т. е. Азии. Тогда переход крепости во владения алан произошел в период их

официальной зависимости от Хазарии, которая в 932 г. нанесла поражение восставшей Алании, но сама же пошла на примирение с восставшими. Тогда данный переход (~940-945 гг.? – А. Т.) отмечает продолжавшееся усиление позиций Алании и ослабление контроля над ней со стороны Хазарии.

В начале XV в. 'Абд ар-Рашид ал-Бакуви указывал координаты крепости: долгота – 83°05', широта – 44°05'. Он отмечал, что Калат ал-Лан являлся очень укрепленной крепостью в земле ал-Лан, на вершине горы Баб ал-Лан. По свидетельствам других, один-единственный человек в ней мог воспрепятствовать движению войск всех царей земли. Крепость находилась на массивной скале, из которой бил источник хорошей воды. Город имел и большой мост удивительной постройки ['Абд ар-Рашид ал-Бакуви 1971: 97].

Вынужденно приходится отметить одно недоразумение. В «Хрестоматии осетинского народа» под заглавием «Из письма хазарского царя Иосифа, X в.» помещено, в том числе, сообщение о «Крепости алан» и о мосте над рекой, располагавшимися между царством алан и горами Кабх [Хрестоматия 1993: 30]. Однако в указанном источнике такого сообщения нет. Судя по последующему приведению перевода отрывка из произведения Ибн Руста и номеру, составитель хрестоматии пользовался давним переводом Н. А. Караулова из произведения ал-Масуди [Караулов 1908: 53], подвергнув его некоторой правке. В силу каких-то технических сбоев перевод отрывка из ал-Масуди оказался присоединен к предшествующему документу. Данный искаженный «посредник» был приведен как сообщение «хазарского царя Иошера» [Сланов 2007: 232; 2014: 278].

По Иованнесу Драсханакерци [Габриелян 2001: 136], правитель Армении, добившейся своей независимости, Смбат I Анийский совершил поход, в ходе которого захватил Цанарк и Аланские ворота с защищавшей их крепостью (рядом с Аланскими воротами помещаются гугарки или Гугарк, т. е. Картли или Кахетия). События связаны с борьбой за Картли между Арменией и Абхазией. Поход был совершен незадолго до декабря 893 – января 894 г. Насколько правдивы сведения о захвате Дарьяльского укрепления, сказать сложно, учитывая вырисовывающееся преувеличение источника о степени зависимости Картли от армянских правителей [Виноградов 2016: 25-26]. В любом случае, экспансия Армении была краткосрочной. Вскоре Картли окажется в вассальной зависимости от Абхазии. Не отрицая возможность некоторых временных захватов Дарьяльского укрепления сторонними силами, остается указать, что сведения ал-Масуди позволяют надежно полагать, что укрепление и далее оставалось под контролем Джаффаридов, чей Тифлисский эмират, созданный в 730-х гг., постепенно ослабевал (сам Тифлис был отвоеван только в 1122 г.). Определение

тифлисского правителя «грузинским правителем» [Топчишвили 2011: 22] является сознательным введением в заблуждение.

Возможно, косвенным образом о принадлежности Дарьяльского укрепления аланам свидетельствуют и иные источники. Позднесредневековый компилятор Ахмад Ибн Лютфуллах в «Собрании сокровищ», используя, видимо, сведения «Истории ал-Баба и Ширвана» некоего ал-Факиха, отмечал, что в 1062 г. со стороны Картли по приказу Византии были расширены горные дороги, чтобы выводить оттуда неверных на земли ислама. В том же году аланы вышли из Баб-Аллана и вторглись в Арран, находившийся в вассальной зависимости от Сельджукидов, убив там многих жителей и захватив многих в плен. Таким образом, Картли оказывается только способной вести ремонтные работы на горных дорогах, тогда как аланы действуют непосредственно из Дарьяльского укрепления.

В результате вторжения в 1064 г. в Картли сельджукидского султана Мухаммеда (Алп-Арслан) картлийский правитель Баграт IV (1027-1072 гг.) признал свою вассальную зависимость от султана и обязался выплачивать дань. По окончании сельджукидского вторжения аланы в октябре 1065 г. года вновь из Баб-Аллана вторглись совместно с шакинцами в Арран, совершая там страшные опустошения и захватывая огромное число пленных [Ахмед ибн Лютфуллах 1957: 219; Алемань 2003: 358]. Таким образом, события повторились, хотя «Матиане Картлиса» будет утверждать, что вторжение было организовано картлийским правителем Багратом IV (1027-1072 гг.), который призвал своего тестя, овского правителя Дорголела с 40-тысячным войском, поставив во главе войска своего сына [Гаглойти 2007: 41].

Конечно, вторжение вполне могло быть инспирировано картлийцами, но они не могли играть столь важной, а тем более руководящей роли в самом вторжении. Показательно, что когда в 1067 г. Алп-Арслан подчинит Кахетию и вторгнется в Картли, захватив ее вплоть до Мцхета, а также Тифлис, и пять месяцев будет оставаться там, Баграт IV скроется в горах, вновь приняв клятву верности султану в начале 1068 г., а затем вновь ей изменив. В горах от зимней стужи погибло его войско [Садр ад-Дин 1980: 56-57]. Сибт Ибн ал-Джуази, творивший в том же XI в., указывал, что султан совершил поход в ал-Лан, но из-за снежной погоды, потеряв большую часть солдат, животных и палаток, вынужден был вернуться [Садьгова 2014: 139].

Таким образом, войско Алп-Арслана выступало из захваченного Картли, где ее самым северным пунктом, как и многие столетия прежде, остается Мцхета. Если бы Дарьяльское укрепление принадлежало Картли или Тифлисскому эмирату, то события могли бы развиваться, скорее всего,

иначе. Но укрепление находилось в руках алан, до которых Сельджукиды так и не дошли. Конечно, нет никаких оснований считать неизвестным в связи с аланскими походами 1062 и 1065 гг., прорывались ли аланы силой или заключили альянс с ее стражей [SAUER, PITSKHELARI et al. 2015: 21]. Крепость уже давно, около столетия, принадлежала аланам.

Обычно к 1118 г. относят привод картлийским правителем Давидом IV Возобновителем (1089-1125 гг.) кипчаков через Дарьяльское ущелье. При этом в «Жизни царя царей Давида» указывается, что Давид лично выехал в Овсети, где перед ним предстали с покорностью (как рабы) цари и мтавары алан. Давид якобы взял крепость Дариали и другие крепости на перевалах в Овсети. Взяв заложников с кипчаков и овсов, он открыл крепость и провёл кипчаков [ДЖАНАШВИЛИ 1897: 36; АЛЕМАНЬ 2003: 418; ГАГЛОЙТИ 2007: 42; Жизнь царя царей Давида 2008: 190; The Life of David 2014: 178].

Явно спекулятивная и тенденциозная позиция автора источника, имевшего непосредственное отношение к картлийскому правителю, получает поддержку вплоть до сегодняшнего времени и у некоторых современных исследователей [SAUER, PITSKHELARI et al. 2015: 3, 21; SURGULADZE 2015: 88, 115]. Рисовались даже картины вассальной зависимости Алании от Грузии, и упадка централизованной власти в Алании. Картина не имеет ничего общего с исторической действительностью [ТОГОШВИЛИ 1988: 187, 195-199; 2014: 191; ДЖИОЕВ 1990: 36-42; КУЗНЕЦОВ 1992: 188; ГАГЛОЙТИ 2007: 162-163, прим. 59]. Даже в используемом источнике царь Давид вынужденно сам едет к аланам, берет с собой второго в царстве сановника и ведет переговоры, т. е. действует только путем просьб и договоренностей. Тот же Давид, как известно, выдал замуж и свою дочь за аланского царя.

Не возвращал Давид укрепление, как решили некоторые исследователи [ТОГОШВИЛИ 2012: 101], т. к. Картли им никогда не владело. Видимо, поэтому в позднейшей работе Вахушти Багратиони Дарьяльское укрепление находится рядом, но отлично от укрепления, якобы построенного Давидом [ГАГЛОЙТИ 2007: 81]. Не мог брать Давид Дарьяльскую крепость ни временно, ни надолго, как рассуждали некоторые исследователи [ТОГОШВИЛИ 2014: 190-191]. Дарьяльское укрепление находилось во владении алан, которым незачем было передавать его в распоряжение картлийского правителя, а сам он был не в состоянии его захватить. Поэтому не стоит полагать, что Дарьяльское укрепление переходило под контроль царства Картли.

Нет никаких оснований соглашаться с мнением [НОВОСЕЛЬЦЕВ 1969: 133; СЛАНОВ 2014: 278; 2014б: 89], что с усилением Грузии в XI-XII вв. Дарьяльская крепость находилась под контролем грузин. Заявление, что Дарьяльскую крепость построил царь Картли Мириан I во II в. до н. э., затем произвел масштабную стройку Вахтанг Горгосал, а после господства

арабов в Закавказье в VII-IX вв. крепость в X-XIII вв. вновь контролировалась грузинским царским двором [Лордкипанидзе, Отхмезури 2015: 27-28], лежит не только вне действительных исторических данных, но и обслуживает ненаучные интересы заявителей. То же касается и современных заявлений [SAUER, SNOLOGAURI, NASKIDASHVILI 2016: 24], что с XII в. укрепление якобы стало частью Грузинского царства, а Дарьяльское ущелье якобы уже два тысячелетия назад находилось под контролем Иберии.

У позднего компилятора ал-Казвини крепость алан помещается в стране алан [Алемань 2003: 353], что свидетельствует в пользу продолжения контроля крепости Аланией, со времени свидетельства «Худуд-ал-алам». Иоанн де Плано Карпини, посетивший Кавказ в 1246 г., сообщал, что монголы осаждают крепости многие годы, как теперь осаждают одну гору в земле алан уже двенадцать лет. Но аланы оказали им мужественное сопротивление, убив многих воинов и вельмож [Алемань 2003: 212-213]. Гильом де Рубрук, побывавший на Кавказе в 1253 г., указывал, что аланы в горах не покорены, поэтому монголам приходится караулить горные ущелья, чтобы аланы не похищали стада на равнине, лежащей между владениями монголов, аланами и железными воротами [Алемань 2003: 219].

Вполне вероятно, что срок сопротивления крепости алан может быть преувеличен, хотя и полагаемый восьмилетний срок [Кузнецов 1971: 39; 1992: 337] представляется весьма впечатляющим. Еще более вероятно, что речь шла именно о Дарьяльском укреплении [Кузнецов 1971: 39], что нет необходимости корректировать [Джигоев 1987: 39-40]. Абу-л-Хасан ал-Гарнати, или Ибн Саид ал-Магриби (1214-1274 или 1286 гг.), сообщал, что крепость ал-‘Алāн была одной из самых укрепленных цитаделей мира. Татары сильно пострадали под данной крепостью и взяли ее только после продолжительной осады. Данное сообщение повторяет Абу-л-Фида, передавая название крепости в форме ал-‘Аллāн [Коновалова 2009: 28, 47, комм. 7, 116, 147, комм. 31]. Сведения источников позволяют полагать, что данные «Хронографа», составленного не ранее середины XIV в., об открытии Ворот Дариалана царицей Русудан в 1225 г., через которые пришли овсы, дурдзуки и другие горские народы [Цулая 1980: 196], либо не соответствует действительности, либо относится к иному укреплению. Впрочем, речь могла идти о свободном перемещении по Дарьяльскому ущелью. Заметим, что указание на проход горцев полагает их помещение к югу от Дарьяльского укрепления.

Как отмечали исследователи, в XIII в. шла борьба за крепость между Золотой Ордой и Хулагуидами [Новосельцев 1969: 133]. Здесь следует уточниться. Согласно «Хронографу», вскоре после захвата монголами укрепления «дорога Дариалана» находилась под контролем грузинского

правителя Георгия [Цулая 1980: 200]. Но в данном случае Георгий выступал как вассал иранских Хулагуидов, т. е. осуществление контроля служило их интересам. Такой контроль над Дарьяльской и Двалетской дорогами заставлял Джучидов (Золотая Орда) искать мирных с ним отношений [Столетняя летопись 2008: 369, 409, комм. 46]. Следует отметить, что контролировалась дорога, а не само Дарьяльское укрепление. Данное положение четко подтверждается сведениями Ибн Саида ал-Магриби, которые повторяет Абу-л-Фида. Давая четкие координаты Дарьяльской крепости, источник прямо указывает, что земли к северу от нее принадлежали Джучидам, а к югу – Хулагуидам [Коновалова 2009: 28, 116].

Противостояние ильханов Хулагуидов с Джучидами вскоре вылилось в прямое столкновение. Одна из трех армий Хулагуидов в конце 1262-начале 1263 гг., по Киракосу Гандзакеци [История монголов 1874: 105; Габриелян 1985б: 24], была сосредоточена у Аланских ворот, что могло бы свидетельствовать о контроле Хулагуидами и над самим Дарьяльским укреплением. Но такое допущение только таковым и остается. Данное сообщение рассматривается и как указание на сбор армии из числа местных алан [Цулая 1980: 206, комм. 48].

Степанос Орбелян указывал, что грузинский царь Давид VIII (1293-3011 гг.) вскоре после воцарения в 1295 г. ильхана Махмуда Газана изгнал из крепости татарскую стражу. Правда, захват он совершил силами различных горцев [История монголов 1873: 62; Габриелян 1985б: 26; Вайс 2017: 7]. Дарьяльская крепость упоминается как цель похода Давида VIII во время его борьбы со своим племянником Вахтангом во втором тексте «Новой Картлис Цховреба» [Гаглойти 2007: 70-71]. Однако контекст отношения к данному укреплению неясен. Мы можем полагать, что после разгрома 1263 г. Дарьяльское укрепление перешло в руки Джучидов. Исследователи связывают событие с уничтожением Джучидами аланского города Деякова в 1278 г. [Нарожный 2009: 160]. Учитывая сложность обстановки того периода и долгое, до 1278 г. достаточно лояльное отношение Джучидов к местным аланским правителям, нельзя исключать, что после завоевания укрепления его контроль был поручен Хулагуидами покорившимся правителям алан.

К сожалению, вне внимания исследователей остались сведения иных списков «Хронографа» («Жамтаагмцерели», «Столетняя летопись»). В целом источник сообщал, что к картлийскому правителю Давиду VII Улу через Дербентский проход пришли знатные овсы, преследуемые золотоордынским правителем Берке. Несомненно, данные события связаны с поражением в 1263 г. Хулагуидов. По повелению Хулагу, они вошли в его военный круг, получили места для поселения, а также право взимания в свою

пользу поземельного налога с местного населения. Одно из мест расселения полагалось у Жинвали, т. е. на южной оконечности транскавказского прохода. После смены Хулугу и вступления на престол Абага-хана (1265-1282 гг.) картлийский правитель Давиду VII Улу передал овсам крепость Гори, а тангуту Джасану поручил взять на себя охрану «Дараланских ворот», т. е. Дарьяльских. Полагают, что данные мероприятия были направлены на охранение от Золотой Орды [Гаглойти 2010: 630-633]. Показательно, что они осуществляются именно силами овсов и монголов. Таким образом, овсы (аланы) не связываются с контролем на дарьяльском направлении. Но и Картли не может самостоятельно его контролировать, для чего прибегают к привлечению других сил. События должны помещаться между вступлением на престол Абага-хана в 1265 г. и смертью Давида VII Улу в 1272 г.

Согласно сведениям Парсадана Горгиджанидзе (XVII в.), использовавшего древнейший неопубликованный список «Картлис Цховреба», овсы пришли через Дарьял и поступили на службу именно к монголам. Они были расселены в Тифлисе, Жинвали и Дманиси, а затем по совету картлийского эристава Бега и его отца Григория Сурамели им были переданы город и крепость Гори для охранения от нападений монголов с запада, где в Раче расположился монгольский полководец Ялгур (Галгур), призванный Давидом Нарином. Тангуту Джанасу поручили охранение ворот Дарьяла и дорог Двалетии и Осетии. По мнению исследователей, данное охранение производилось против проникновения других овсов в Картли [Тогошвили 2014а: 266-274].

С особой осторожностью следует относиться к фольклорным материалам в силу специфики сохранения в них исторических свидетельств. Так, исследователями приводится грузинское предание о том, что во времена царицы Тамары в Грузию часто вторгались леки (дагестанцы). Охранявшие «замок Тамары» мохевцы оказались не готовы к вторжению и послали за помощью в военно-административный центр ущелья – Казбеги. Оттуда пришло войско под предводительством овса Хетага, которое отразило вторжение. Тамара решила пожаловать Хетагу право владения некоторыми селами, но он отказался, считая невозможным господствовать над братским народом – мохевцами [Гаглойти 2010: 576-577, 784-785].

Конечно, никакого отношения царица Тамара (1189-1207 гг.) не имела к Дарьяльскому укреплению, и в ее время укрепление не находилось под контролем Картли. Вторжения леков могут быть сопоставлены с известной в грузинской истории эпохой лекианоба (лекьоба), которая относится к позднесредневековому периоду. Таким образом, мы можем полагать сведение в предании разновременных сюжетов. Видимо, справедливее говорить о том, что предание рисует общую картину истории Дарьяльского ущелья

и укрепления, когда они находились под овским (аланским) контролем. Но здесь, несомненно, сказывается и известная общая тенденциозность в приписывании контроля Картли в домонгольский период. Конечно, сказывается и постепенная грузинизация местного горского населения. Но на фоне приведенных выше материалов показательное сохранение положения о непосредственной охране Дарьяльского укрепления горцами, причем родственными аланам.

Показательно, что Лаоник Халкокондил, писавший в XV в. о событиях между 1298 г. и 1436 г., отводил Иберии земли до Кахетии и Гори, включал алан в число соседей городов верхней Иверии, одновременно отводя аланам владения до подножия Кавказа [АЛЕМАНЬ 2003: 301]. Не касаясь неверного приписывания сведений анонимному источнику VI в. [АРСАНУКАЕВ 2002: 95], видимо, продиктованному субъективными подходами автора, усугубленными непониманием специфики в передаче информации, содержащейся в привлекаемом им издании [ГАН 1890: 2-3, 56], заметим, что, если сведения о землях алан до подножия Кавказа воспроизводят общие и давние представления о месте расселения алан, то ориентиры на Гори и соседство с городами верхней Иверии могут относиться к положению, которое, как мы видели, характеризует период к концу XIII в.

В 1325 г. через Дарьял свободно передвигается хулагуидский эмир Чулпан, который совершает страшное разорение придарьяльского населения Золотой Орды [ДРУЖИНИНА, ЧХАИДЗЕ, НАРОЖНЫЙ 2011: 230-231]. В конце XIV в. свободно проходит через Дарьял Тимур [ГАБРИЕЛЯН 1985б: 27], хотя ему будут приписывать неудачи во взятии крепости [ТОГОШВИЛИ 2012: 32], которую в реальности он никогда не штурмовал. Надо полагать, что господство монголов, уничтожение Аланского государства, отсутствие торговых сообщений и т. д., в конечном итоге, привели к утрате укреплением своего прежнего значения и к его упадку.

В таком положении предполагаемое владение укреплением грузинскими правителями уже не имело сколь-нибудь важного значения. История Дарьяльского укрепления завершилась. Конечно, можно полагать, что крепость функционировала до позднего средневековья, предположительно до XVII-XVIII вв. [КУЗНЕЦОВ 1980: 87]. Но данное предположение не может быть подкреплено никакими конкретными данными. Например, в краткой «Хронике» Ованеса Цареди XVI вв. сообщается, что в 1578-1579 гг. визирь Османской Порты Мустафа Паша (Лала Паша) построил крепости и оставил в них гарнизоны в Тифлисе, Дманиси, Гори, Лори и других местах, затем прошел к аланам до Железных Ворот и поставил там крепость тоже [ВАIS 2017: 8]. Другие исследователи относят сообщение к работе Аракела Давриджеци XVII в., а построенную крепость под названием Дамургапи

отождествляют с Дербентскими воротами [Габриелян 1985б: 29, 45, ком. 62; 2001: 156, 222, комм. 599]. Кроме того, показательно, что в 1729 г. Турция вынашивала план построения в Дарьяльском ущелье собственной крепости, что указывает на отсутствие здесь действующего укрепления. Грузия не контролировала Дарьяльское ущелье, где властвовали арагвские эриставы и тагаурские алдары. С северной стороны были сильны и позиции кабардинских владетелей. Только после 1744 г. при фактическом объединении Грузии и покорении арагвских и ксанских эриставов начинаются попытки налаживания дороги через Дарьял...

К сожалению, археологические исследования Дарьяльского укрепления, крепостное сооружение которого получило в позднейший период ошибочное название «замка Тамары», долгое время практически не проводились. В 1988-1991 гг. грузинскими специалистами исследовались крепость и могильники, располагающиеся к югу от нее. С 2013 г. исследованием укрепления занималась совместная англо-грузинская археологическая экспедиция Эдинбургского и Тбилисского университетов. Укрепление располагается на левой стороне р. Терек, где зафиксированы остатки основного оборонительного сооружения на отдельном скалистом холме и еще трех взаимосвязанных оборонительных пунктов ниже – фрагменты мощной стены и, вероятно, двух башен, ранее отмечавшихся на левом берегу реки (сегодня они не найдены, но указывается на наличие одной башни на правом берегу). Их также объединяет техника строительства. В цементировке стен обнаружены следы использования деревянных прутьев для придания конструкции сейсмостойкости.

На холме отмечена мощная оборонительная стена, от 1,5-2 м до 2,5 м толщиной, укрепленная контрфорсами. Относительно хорошо сохранилась северная стена длиной около 60 м. К ней примыкает четырехугольная башенка. На западной оконечности стены на заметной высоте сохранились остатки небольшого укрепления. С южной стороны к цитадели примыкает мыс, на вершине которого сохранились следы небольшого укрепления. На западной стене цитадели фиксируются развалины двух башен. С восточной стороны, предположительно от подземного хода, к Тереку ведет извилистый ход, защищенный стенами, высотой в человеческий рост, между которыми были каменные ступени. Возможно, ранее ход был крытым. Ложбина между холмом и основным горным массивом преграждена двумя каменными стенами, толщиной 2,5-3 м, со следами глиняных водопроводных труб. По подсчетам исследователей, минимальное количество гарнизона, необходимое для удержания укрепления, составляло 100 человек [Осетины 1967: 195; Кузнецов 1893: 143; Сланов 2014б: 89].

Наличие водопровода сопоставляется со сведениями ал-Масуди об источнике пресной воды, сбегавшем с вершины скалы и выходящем в середине Замка Аланских ворот. Данное положение, видимо, сопоставимо со сведениями у ал-Казвини об источнике пресной воды, бьющем прямо из середины скалистого места, где стоит крепость, и со сведениями у 'Абд ар-Рашид ал-Бакуви об источнике хорошей воды, бьющей из скалы [АЛЕМАНЬ 2003: 353; 'АБД АР-РАШИД АЛ-БАКУВИ 1971: 97]. Исследования 2016 г. англо-грузинской экспедиции показывают, что во время функционирования крепости скала, на которой она располагается, находилась гораздо выше над окружающей местностью, о чем свидетельствует многометровый слой строительного мусора у западной части скалы [SAUER, CHOLOGAURI, NASKIDASHVILI 2016: 23].

В 2014 г. англо-грузинской экспедицией были исследованы костные останки из погребений под основанием стены Дарьяльского укрепления, позволившие датировать их 390 г. Аналогичное исследование из погребений у самой стены дало дату 396 г. Исследователи пришли к заключению, по их определению верному на более 90%, что стена началась строиться не ранее 390 г., в промежутке 390-396 гг. [SAUER, CHOLOGAURI, NASKIDASHVILI 2016: 21]. Мы вправе поставить под сомнение как столь точное датирование, так и трактовку расположения погребений в зависимости от начала строительства укрепления, а не как единого памятника, на месте которого было построено укрепление. Возведение крепости на месте погребений уже указывает на прекращение функционирования могильника.

Полученные датировки могут примерно указывать на непосредственно предшествующий строительству период, что соотносится с приведенным выше решением о времени возведения укрепления. Представители англо-грузинской экспедиции связывают с влиянием на решение строительства крепости вторжение гуннов через Дарьял в 395 г., когда их рейд был очень глубоким и потряс владения обеих империй. Полагают, что крепость могла уже быть построена или начала строиться [SAUER, CHOLOGAURI, NASKIDASHVILI 2016: 22]. Данное вторжение, действительно, вполне могло стать одним из весомых аргументов в пользу строительства [Мишин 2014. С. 247], но будущего.

Самый ранний на сегодняшний день слой внутри крепости датируется 428-598 гг. [SAUER, PITSKHELARI et al. 2015: 6, 7, fig. 4]. Таким образом, сопоставление хронологических данных погребений и древнейшего слоя в крепости вполне соответствует выявленной выше хронологии построения крепости на основании данных письменных источников. В упомянутом древнейшем слое в крепости, относимом к V в., обнаружены образцы стекла и керамики, характерные для изделий Сасанидской Персии [CHOLOGAURI

2015: 189; 2015a: 208]. Среди материалов погребений у крепости и на могильнике VI-VIII вв. к югу от нее, примерно в 2,5 км, представлены, например, монета шаха Кавада I 529 г. и перстень с персидской надписью [SAUER, CHOLOGAURI, NASKIDASHVILI 2016: 20]. К югу от укрепления обнаружено поселение с мощным культурным слоем, материалы которого в основном датировались VIII-X вв. [Круглов 1937: 246-247; Сланов 2014: 278-279; 2014б: 89].

В крепости были также обнаружены фрагменты костяных изделий, покрытых орнаментальными и зооморфными изображениями. Изображения сопоставляются с таковыми на костяных изделиях салтово-маяцкой культуры Хазарии VIII-X в. Появление предметов в крепости связывается с контактами с хазарами, обитавшими к северу от крепости. Вместе с тем, отмечается, что хазары в 627 г. вместе с византийцами вторглись в Картли, а в 628 г. захватили Тифлис. Затем хазары воевали с Арабским халифатом. В 764 г. хазары вновь захватили Тифлис. Поскольку источники не сохранили сведений о захвате Дарьяльской крепости хазарами, то предлагается рассматривать находки как указание на остановку на некоторое время хазар в крепости при возвращении из Картли [CHOLOGAURI 2015a: 202, 206-209]. Учитывая приведенные нами выше наблюдения, данные находки, скорее, свидетельствуют в пользу именно перехода в определенный период крепости под контроль хазар или алан, ставших частью Хазарского каганата.

Полагают, что Дарьяльское укрепление составляло единый оборонительный комплекс с Гвелетским укреплением, располагавшимся южнее на 3,5 км. Древнейший слой в Гвелетской крепости сегодня датируется 776-969 гг., а само укрепление более приспособлено противодействию опасности с юга. Самый поздний слой в Дарьяльской крепости сегодня датируется 1300-1411 гг. [SAUER, PITSKHELARI et al. 2015: 6, 7, fig. 4. 22]. Датировка гвелетских материалов может указывать на развитие оборонительной системы арабами, а датировка финального слоя Дарьяльской крепости подтверждает хронологию упадка жизнедеятельности крепости.

Исследованные погребения (в каменных ящиках, индивидуальные и коллективные) на могильнике возле крепости принадлежат достаточно молодым индивидуумам (самый старый 35-40 лет) и датируются от 671-770 гг. до 988-1050 гг. [SAUER, PITSKHELARI et al. 2015: 15, 27-29]. Вполне вероятно, что мы сталкиваемся с последствиями перехода крепости под аланский контроль. Если ранее гарнизон был связан во многом с местным населением или пришедшим издалека, охраняя путь от опасности с севера, что составляло и хоронить его представителей южнее крепости, то аланский гарнизон поступал с северных территорий, где и должны были хоронить его представителей.

Интересно, что погребения, по мнению специалистов, свидетельствуют о присутствии здесь представителей азиатского происхождения, в том числе монголоидного, что сопоставляется в общих чертах со сведениями ал-Масуди об арабском гарнизоне [SAUER, PITSKHELARIET al. 2015: 20]. Один из погребенных воинов, как предполагают, представитель исламского гарнизона, был убит в результате сабельного удара. Его погребение датируют между 988 и 1027 гг. Точно установить вероисповедание погребенных исследователи не считают возможным, хотя отмечают черты, которые могли бы толковаться и в пользу их исламского вероисповедания [SAUER, PITSKHELARI et al. 2015: 16, 17, fig. 11, 21; SAUER, CHOLOGAURI, NASKIDASHVILI 2016: 20, 24].

Исследовано также погребение и другого воина 15-20 лет, содержащее меч и два наконечника стрел, датируемое между 975 и 1029 гг., или около 1000 г. Исследователи, отмечая инновации в материалах погребения, не исключают вариантов, что погребенный мог быть местным стражем, адаптировавшим некоторые северные традиции, наемником (язычником или христианином) или представителем нового гарнизона северного происхождения [SAUER, PITSKHELARI et al. 2015: 4, fig. 1, 20; SAUER, CHOLOGAURI, NASKIDASHVILI 2016: 23, 24]. Показательно, что «северный импульс» проявляется при наступлении аланского периода в истории Дарьяльского укрепления.

Исследователи обратили внимание, что техника возведения Дарьяльского укрепления из нетесаного камня на известковом растворе и с применением плетенки из прутьев с камнями аналогична технике возведения Хилакской стены в Куртатинском ущелье Северной Осетии [Кузнецов 2004: 4]. В отношении Хилакского укрепления была изначально высказана «хазарская версия» [НАГЛЕР 1984: 58]. Однако она вскоре была обоснованно отвергнута. Техника строительства укрепления и сама практика расположения укрепления по обоим берегам горных рек была сопоставлена с памятниками типа Верхнечирюртовского городища, которые сооружались не хазарами, а персидскими правителями [Флёров 2010: 130-132], стремившимися обезопасить свои закавказские владения от набегов с севера.

Именно против северной угрозы была поставлена и Хилакская стена, а также, видимо, и другие стены в Куртатинском ущелье, что в целом делает наиболее вероятной гипотезу о персидском происхождении Хилакского комплекса (стена и башни) [Тменов 1996: 59-60]. К сожалению, так и остается неизученной заградительная стена в районе Кахтисара, преграждавшая путь из Кобанского в Даргавское ущелье. Исследователи полагали, что как Дарьяльский [Габриелян 1989: 83], так и Касарский оборонительный комплекс в Алагирском ущелье Северной Осетии были построены

персами, что соотносилось с упоминавшимся выше свидетельством «Мокцевай Картлисай» о строительстве персидским правителем Хосровом I Ануширваном защитных ворот на Кавказе [Кузнецов 1992: 181; 2002: 100-101; Тменов 1996: 62-63].

Возведение стены сопоставлялось со сведениями письменных источников о строительстве таких укреплений персами, которые оставляли в них гарнизоны, набранные из местных жителей. Топография комплекса, обращение фасов заградительных стен, включая и Касарскую, к северу объективно оценивались как указание «на стратегическую защиту юга Кавказа от опасности вторжения с севера». Именно в контексте важности для персов охраны своих северных рубежей на Кавказе на фоне известных военно-политических событий и рассматривался вопрос о направленности и военно-стратегических задачах оборонительных стен раннего средневековья [Ковалевская, Кузнецов 2007: 190-195].

Касарский оборонительный комплекс состоит из стены шириной 0,8 м, которая была укреплена пристройкой с северной стороны стены толщиной 1,5 м. Стена была фланкирована башней, с которой можно было вести обстрел вдоль нее. В 6,5 м к северу от стены была возведена еще одна стена, толщиной 3 м. Между стенами были сооружены клетки из бревен и тонких жердей, которые забутовали глиной и булыжником, что привело к созданию единой стены, толщиной 11,8 м. Комплекс датируется VIII-IX вв., как и располагавшиеся южнее поселение и могильник, видимо, принадлежавшие населению, поставлявшему силы для гарнизона [Кузнецов 1990: 121-125].

Как персов в Дарьяльском укреплении сменили арабы, так, не исключено, произошло и на Касарском укреплении. Появление арабского гарнизона исторически связывают с арабо-хазарской войной 763-764 гг., когда хазары совершили опустошительный поход в Закавказье. По сообщению ал-Йакута, тогда арабы выпустили из тюрем 7 000 заключенных, собрали воинов, присоединив к ним рабочих и строителей, и отправили против хазар. Они построили города, превратив их в опорные пункты для мусульман, поселив там воинов. Благодаря этим городам мусульмане усилились, а страна успокоилась. Поэтому осторожно предполагается, что Касарский комплекс был в числе тех, которые укрепили арабы, для сдерживания прорывов хазар. О контроле здесь арабов, как полагают, может свидетельствовать само название «Къасара» (араб. къасара – «крепость», «замок», «дворец»), находка перстня с арабской надписью из погребения № 44 могильника Мамисондон [Албегова 2010: 34-41; Албегова, Верещинский-Бабайлов 2010: 132-135].

Полагают, что «Касарская оборонительная стена» служила последним участком кавказского лимеса на стыке двух миров, что соответствовало

территории, занятой сначала Сасанидским Ираном, а потом Арабским халифатом [Кузнецов, Романова 2006: 49, 52]. В действительности лимес протянулся гораздо западнее. Для крайних утверждений о том, что Касарское укрепление фиксирует для VI-VII вв. процесс расширения алано-овским объединением этнической территории в горах и консолидацию в условиях постоянной внешней опасности [Гутнов 1993: 43-44], что укрепление долгое время (до монгольского нашествия) позволяло двалам отсиживаться за ним, противостоя ассимилирующему воздействию алан-осов [Тменов 1989: 123], нет никаких оснований.

Вместе с тем, сопоставление Касарского укрепления с Хилакским нашло свое продолжение в сопоставлении и с Хумаринской крепостью в верховьях р. Кубань. Обычно данная крепость своим возникновением связывалась с деятельностью хазар, что неожиданно полагалось и для Касарского укрепления [Кузнецов 2016: 130, 134-135]. Однако строительные особенности укрепления Хумары, сопоставимые с таковыми в Дербенте, позволяют полагать, что оно было изначально построено персами не без согласия местных алан. В редакции «Мокцевой Картлисай» X в., обнаруженной в четырех списках в 1994 г. в монастыре Св. Катерины (Синай, Египет), сообщается о сооружении персами Ворот Осетии и оборонительной стены Клисурса, большей, чем Ворота Хазар (Дербент), и победе над хазарами [ALEXIDZÉ 2000: 677]. Данное сообщение, как и некоторые другие, оправданно рассматривается как косвенное свидетельство в пользу «сасанидской» версии укрепления Хумары [ГАДЖИЕВ, КАСУМОВ 2006: 115-116, сн. 266; ГАДЖИЕВ 2013: 53; СЕМЁНОВ 2015: 237-238]. Строительство именно этой крепости могло подразумеваться в сообщении ал-Табари о строительстве Перозом в области «Сул и алан» каменного крепостного сооружения, в пользу чего свидетельствуют некоторые археологические и эпиграфические памятники [НАРМАТТА 1996: 82-83].

Мы можем полагать, что созданная Персидской империей оборонительная линия, протянувшаяся от Дербента до Абхазии, а не до Касарского комплекса, заложила прочную основу разделения имперского Юга от Севера. Она во многом была унаследована Арабским халифатом, также вынужденно пришедшим к необходимости укрепления здесь своих рубежей от вторжений с Севера, будучи не в силах, как Персидская и Византийская империи, победить или сколь-нибудь надолго закрепиться там. Важное место в данной линии занимали и укрепления в горных районах Осетии, среди которых особо, конечно, выделяется Дарьяльское укрепление. Арабы, «унаследовав» его, даже знаково сохранили в его названии персидское определение, но в форме единственного числа для обозначения народа и с ошибочными попытками выделить в нем артикль – *Bāb al-Lān* [АЛЕМАНЬ

2003: 28-29]. Заметим, что заявление о том, что арабы могли так называть любой проход в земле алан [Газиков 2002: 29-30], безосновательно и призвано обслуживать субъективные решения автора.

Некоторые исследователи решили, что Хилакская оборонительная стена и Касарский оборонительный комплекс указывают на «... картину интенсивного возведения таких защитных сооружений грузинскими властями на подступах к своим северным границам». Такие сооружения защищали северные рубежи Грузии от частых набегов с Северного Кавказа, поэтому примерно с середины I тыс. н. э. по всему горному Кавказу возводилась система укреплений, крепостей и оборонительных стен от Даг-Бары в современном Дагестане до Великой Абхазской стены в современной Абхазии, включающая крепость Дар-и-Алан в Дарьяльском ущелье и упомянутые укрепления в Куртатинском и Алагирском ущельях в современной Осетии. Укрепление горных перевалов рассматривалось как отражение отношений грузин с северокавказскими народами, особенно с доминировавшими на Северном Кавказе аланами, привлекавшими к своим набегам другие соседние горские племена. Одновременно аланы играли важную роль и в политической жизни Картли в роли ее союзников [Кузнецов 2014а: 125-127].

Нарисованная картина развития событий крайне сомнительна. Подразумевать изначально под строительством оборонительной линии деятельность Грузии (само использование для того времени определения «Грузия» некорректно) не только невозможно, но и явно ошибочно. Картли не только не обладала для того необходимыми материальными, военными и иными ресурсами, но и оставалась в провинциальном подчинении Персии, а затем Арабского халифата. Горные территории были неподвластны Картли, не обладавшей военными ресурсами для их подчинения. Имеющиеся в распоряжении исследователей источники полностью отрицают саму возможность подходов для предложенного решения. Указанный подход сопоставим с решением [Робакидзе 1976: 432-442], ускользнувшим от внимания специалистов (благодарю за перевод с грузинского дин Р. Г. Дзаттиа-ты), относившим оборонительные сооружения Северной Осетии, включая Дзивгисскую крепость, к политическим рубежам позднесредневековой Грузии. Данное решение должно быть категорически отвергнутым.

Синхронизация времени возведения Касарского и Хилакского укреплений за счет упоминавшегося анализа раствора последнего с указанием на совпадение с ранее обоснованной автором датой [Ковалевская, Кузнецов 2007: 194] также несколько сложна. В указанной публикации датировка по анализу оставляется под сомнением, а возведение Дарьяльского и Касарского укреплений рассматривается для периода после ирано-византийских войн VI в. и связывается с интересами персов [Ковалевская, Кузнецов 2007:

194-195]. Заметим, что в данном случае рядом с Касарским укреплением фигурирует Дарьяльское укрепление, которое у автора [Кузнецов 2014: 127] относится к истории создания оборонительной линии на Кавказе. Таким образом, датировка представляется весьма размытой, а Дарьяльское укрепление в действительности возводилось персами в начале V в.

Создание жесткой линии границы имело и другие важные последствия. Например, для Картли долгое подчиненное положение в составе персидской и арабской провинций в исторической перспективе принесло и некоторые положительные результаты. Долгое объединение завоевателями Картли в одну провинцию с лежащими к югу от нее горными территориями с иноэтничным независимым населением вело к их сближению и к постепенному проникновению в горные районы грузиноязычного этнического элемента, медленно ассимилировавшего здесь, например нахоязычные народы. Видимо, аналогичный процесс протекал и на Севере, способствуя интенсификации процесса освоения здесь горных территорий аланами, долгое время входившими в состав «лоскутной империи» Хазарии, но сохранявшими заметные позиции своей автономии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, в конечном итоге, такие мощные укрепления на Севере, как Дарьяльское и Касарское, оказались в руках алан.

Не так давно исследователями была выдвинута интересная гипотеза о переселении во второй половине VIII в. в рамках политики Хазарского каганата алан из района Кисловодской котловины как на территорию бассейна Среднего Дона, так и Кубани и в горные районы Дарьяла. Здесь они охраняли рубежи Хазарского каганата, неся и таможенную службу. В X в. заметная часть алан вернулась с Северного Дона на Северный Кавказ, видимо, и в район Дарьяла [Альбегова 2012: 202-206]. Хронология событий вполне допустима, поскольку со второй половины VIII в. граница между Хазарским каганатом и Арабским халифатом стабилизируется. Фактически каганат использовал опыт персов и арабов, выстраивая свои оборонительные рубежи.

Привлечение в качестве охраны и таможни алан также имело предшествующий опыт, когда, как отмечалось, персы составляли гарнизоны из местных народов. Данные сведения закономерно сопоставлялись, например, с поселением и могильником Едыс (Южная Осетия) VI-VII вв., свидетельствующим о поселении здесь группы алан, выполнявших наемные функции охранников. Наличие и иных аланских памятников того же периода в Восточной Грузии (Мцхета, Жинвали, Агайани, Алеви) расширяет зону действия таких отдельных контингентов алан, нанимавшихся на персидскую службу [Дзаттиаты 1986: 208; 1989: 46-47; 1991: 41-42; 1992: 71-81; 1995: 106; 1995а: 110-111; 2006: 47-50]. Но если судьба таких немногочисленных контингентов была связана с отрывом от родины, то погранично-

таможенная служба на Северном Кавказе интенсифицировала продвижения алан в горные территории, становившиеся неотъемлемой частью собственно Алании. Таким образом, заложенная персами граница, в конечном итоге, сыграла свою положительную роль и в истории алан.

Интересно в данной связи отметить, что персидское название Дарьяла *Dar-i-Alānān* – «Ворота алан», видимо, впервые появилось как географическое, обозначая естественный географический выход к Алании через горное ущелье с юга. Затем оно стало прилагаться к построенному укреплению, запиравшему вход во владения Персидской империи от вторжения с севера алан и иных народов, проходивших через земли алан. Таким образом, «Ворота алан» приобретали значение «Ворота против алан». Аналогичное значение сохранилось и в арабском *Bāb al-Lān*. Второе название данного укрепления как «Иверии страж» наглядно демонстрирует противопоставление его значения как охранителя персидских владений. Когда же укрепление перешло под контроль алан, то «Худуд-ал-алам» уже не говорит о крепости или воротах, а называет *Dar-i Alān* городом, который подобно крепости находится на вершине горы. В другой раз название вновь возвращает себе давний географический характер, обозначая место, где располагается на вершине горы самый процветающий город Алании [Hudūd-al-‘Ālam 1982: 68, 161; Алемань 2003: 468, 469]. «Ворота алан» превращаются в собственный вход в Аланию.

Как неоднократно выше отмечалось, в отдельных грузинских источниках [Кузнецов 1893: 143] строительство или владение укреплением с домонгольского периода приписывались правителям Картли, что являлось вымыслом, поддерживаемым и определенной частью современных исследователей. В новой столице одного из северокавказских субъектов, со странным персидским названием Магас – «Муха», была поставлена въездная арка «Аланские Ворота», которая ни территориально, ни архитектурно, ни культурно, ни исторически не имеет ничего общего с «Воротами алан». Причем она поставлена там, где в псевдонаучных изысканиях отрицается аланская составляющая в названии Дарьяла, что делает бессмысленным само название арки.

Странный уже в своей первой части английский вариант названия арки «*Alania Gates*» еще и представляет их в своей второй части как некое множество, видимо, переводя русское существительное «ворота». Укрепление «Ворота алан» изначально вело в провинции Персидской империи и Арабского халифата, закрывая в них путь именно аланам и иным воинственным народам с севера. Но и когда оно, спустя столетия, перешло на определенный период под контроль самих алан, то не стало ни воротами их столицы, ни воротами какого-то неаланского города, как сегодня пытаются представить в лице «Аланских Ворот», которые якобы, согласно вывешенной на них доске, «символизируют мощь и величие... столицы Аланского государства»...

ЛИТЕРАТУРА

АБАЕВ 1958 – АБАЕВ В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. Т. I. 655 с.

’Абд ар-Рашид ал-Бакуви 1971 – ’Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Китаб талхис ал-асар ва аджа’иб ал-малик ал-каххар (Сокращение (книги о) «Памятниках» и чудеса царя могучего) / Издание текста, перевод, предисловие, примечания и приложения З. М. Буниятова. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1971. 162+192 с.

АКИЕВА 2014 – АКИЕВА П. Х. Рождение, свадьба, смерть. Историко-этнографические архетипы ингушей. СПб.: Алеф-пресс, 2014. 922 с.

АКОПЯН 2015 – АКОПЯН А. А. К хронологии завершения этноконсолидации удинов и лезгин (период ослабления Арабского халифата) // *Albania Caucasica*: Сборник статей. М., 2015. Вып. I. С. 129-147.

АЛАНИКА 1999 – АЛАНИКА. Сведения греко-латинских, византийских, древнерусских и восточных источников об аланах-ясах / Составление и комментарии Ю. С. Гаглойти // *Дарьял. Владикавказ*, 1999. № 4. С. 224-245.

АЛБЕГОВА 2010 – АЛБЕГОВА З. Х. Арабский форпост в горах Центрального Кавказа // *Достояние поколений*. М., 2010. № 1 (8). С. 34-41.

АЛБЕГОВА 2012 – АЛБЕГОВА З. Х. Забытое сказание о нартах (к вопросу о миграциях алан в эпоху Хазарского каганата) // *Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: Сборник научных трудов*. Владикавказ, 2012. С. 199-214.

АЛБЕГОВА 2010 – АЛБЕГОВА З. Х., Верещинский-Бабайлов Л. И. Раннесредневековый могильник Мамисондон: результаты археологических исследований 2007-2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС. М.: Институт археологии РАН: ТАУС, 2010. 492 с.

АЛБОРОВ 1960 – АЛБОРОВ Б. А. Почему осетины называют балкарцев «Асы» // *Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22-26 июня 1959 г.)*. Нальчик, 1960. С. 108-112.

АЛЕМАНЬ 2003 – АЛЕМАНЬ А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. 608 с.

АЛИЕВ 1987 – АЛИЕВ К. Г. Античные источники по истории Азербайджана. Баку: Элм, 1987. 132 с.

АМИРАНИШВИЛИ 1938 – АМИРАНИШВИЛИ А. И. Иберия и римская экспансия в Азии (К истории древней Грузии) // *ВДИ*. М., 1938. № 4 (5). С. 161-173.

АПАКИДЗЕ и др. 1958 – АПАКИДЗЕ А. М., Гобеджишвили Г. Ф., Каландадзе А. Н., Ломтатидзе Г. А. Мцхета. Итоги археологических исследований. I. Археологические памятники Армазис-хеви по раскопкам 1937-1946 гг. Тбилиси: Издательство Академии наук Грузинской ССР, 1958. 281 с.

Армянская География 1877 – Армянская География VII века по Р. Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому) / Текст и перевод с присовокуплением карт и объяснительных

примечаний издал К. П. Патканов. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1877. XXVIII+84+26 с.

АРСАНУКАЕВ 2002 – АРСАНУКАЕВ Р. Д. Вайнахи и аланы. Баку: Абилов, Зейналов и сыновья, 2002. 270 с.

АРТАМОНОВ 1962 – АРТМОНОВ М. И. История хазар. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. 521 с.

АХМАДОВ 2016 – АХМАДОВ А. З. Нахский этномассив Закавказья: дзурдзуки/дурдзуки, ваьппи // Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2016. № 2 (31). С. 20-30.

АХМЕД ИБН ЛЮТФУЛЛАХ 1957 – АХМЕД ИБН ЛЮТФУЛЛАХ (Мунадджим-Баши) «Джами ад-Дувал»; Ибн ал-Азрака ал-Фарики из «Истории Майяфарикина» / Перевод с арабского А. Дж. Мамедова // Труды института истории. Баку, 1957. Т. XII. С. 206–225.

БАЙРАМКУЛОВ 1999 – БАЙРАМКУЛОВ А. М. Правда об аланах. Черкесск: ГП «Ставропольская краевая типография», 1999. 472 с.

БАРТОЛЬД 1973 – БАРТОЛЬД В. В. <Извлечение из сочинения Гардизи Зайн ал-ахбār.> Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893-1894 гг. // Академик В. В. Бартольд. Сочинения. М., 1973. Т. VIII. Работы по источниковедению. С. 23-62.

БЕЙЛИС 2000 – БЕЙЛИС В. М. Сообщения Халифы Ибн Хайята ал-'Усфури об арабо-хазарских войнах в VII-первой половине VIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти члена-корреспондента РАН Анатолия Петровича Новосельцева. М., 2000. С. 32-53.

ВАНЕЕВ 1989 – ВАНЕЕВ З. Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Цхинвали: Ирыстон, 1989. 418 с.

ВИНОГРАДОВ 2016 – ВИНОГРАДОВ А. Ю. Абхазское царство – опыт политогенеза между христианством и исламом (конец VIII-начало X в.) // Polystoria: Цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе. М., 2016. С. 9-34.

ВОЙНИКОВ 2016 – ВОЙНИКОВ Ж. Древние болгары – кто они? Новый взгляд на старый вопрос // Дриновський збірник. Софія-Харків, 2016. Т. IX. С. 5-19.

ВОРОНОВ 1990 – ВОРОНОВ Ю. Н. Аланы и Абхазия // Вопросы иранистики и алановедения (Научная конференция, посвященная 90-летию В. И. Абаева). Владикавказ, 18-20 октября 1990 г. Тезисы докладов. Владикавказ, 1990. С. 52-53.

ВОРОНОВ, БГАЖБА 2008 – ВОРОНОВ Ю. Н., БГАЖБА О. Х. Аланы в Колхиде (VI-VIII вв.) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971-2006. М.; Ставрополь, 2008. С. 373.

ГАБРИЕЛЯН 1985 – ГАБРИЕЛЯН Р. А. Армянские источники об аланах (Документальные материалы и комментарии). Вып. I // Научно-информационный бюллетень общественной науки в Армянской ССР. Ереван: Типография Ергосуниверситета, 1985. Серия I. № 3 (45). 64 с.

ГАБРИЕЛЯН 1985а – ГАБРИЕЛЯН Р. А. Армянские источники об аланах (Документальные материалы и комментарии). Вып. II // Научно-информационный бюллетень общественной науки в Армянской ССР. Ереван: Типография Ергосуниверситета, 1985. Серия 2. № 4 (46). 56 с.

ГАБРИЕЛЯН 1985б – ГАБРИЕЛЯН Р. А. Армянские источники об аланах (Документальные материалы и комментарии). Вып. III // Научно-информационный бюллетень общественной науки в Армянской ССР. Ереван: Типография Ергосуниверситета, 1985. Серия 3. № 4 (50). 46 с.

ГАБРИЕЛЯН 1989 – ГАБРИЕЛЯН Р. А. Армяно-аланские отношения (I-X вв.). Ереван: Издательство АН АрмССР, 1989. 143 с.

ГАБРИЕЛЯН 2001 – ГАБРИЕЛЯН Р. А. Армянские источники об аланах. Ереван-Владикавказ, 2001 // НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 310. 238 с.

ГАГЛОЙТИ 1966 – ГАГЛОЙТИ Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси: Мецниереба, 1966. 254 с.

ГАГЛОЙТИ 2007 – ГАГЛОЙТИ Ю. С. Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. Владикавказ: Ир, 2007. 238 с.

ГАГЛОЙТИ 2010 – ГАГЛОЙТИ Ю. С. Избранные труды. Цхинвал: Полиграфическое творческое объединение РЮО, 2010. Т. I. 814 с.

ГАДЖИЕВ 1997 – ГАДЖИЕВ М. С. Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматское время. Махачкала, 1997. 154 с.

ГАДЖИЕВ 2013 – ГАДЖИЕВ М. С. Хумара: некоторые строительные параллели и проблема датировки укреплений // Очерки средневековой археологии Кавказа: к 85-летию со дня рождения В. А. Кузнецова: сборник статей. М., 2013. С. 51-65.

ГАДЖИЕВ 2015 – ГАДЖИЕВ М. С. Кавказская Албания и Дагестан: историко-географический и административно-политический аспекты // *Albania Caucasica*: Сборник статей. М., 2015. Вып. I. С. 28-41.

ГАДЖИЕВ, КАСУМОВ 2006 – ГАДЖИЕВ М. С., КАСУМОВ С. Ю. Среднеперсидские надписи Дербента VI века. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. 128 с.

ГАДЖИМУРАДОВ 2014 – ГАДЖИМУРАДОВ М. Т. Утверждение власти Сасанидов на Восточном Кавказе в раннем средневековье // Актуальные проблемы общественных наук: сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции. Махачкала, 2014. С. 6-15.

ГАДЛО 1979 – ГАДЛО А. В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1979. 215 с.

ГАЗИКОВ 2002 – ГАЗИКОВ Б. Д. Об этнической принадлежности алан // Газиков Б. Д. Взгляд в прошлое. Статьи по истории Ингушетии. Назрань, 2002. С. 27-37.

ГАН 1890 – ГАН К. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. С латинского текста Штриттера перевел. Тифлис, 1890. Ч. II. 215+10 с.

ГАНДАУР-ЭГИ 2016 – ГАНДАУР-ЭГИ М. Х. О некоторых аспектах формирования топонимической карты района Придарьяля // Актуальные проблемы алановедения: Материалы научного семинара (12 мая 2015 г., ГБУ «ИнГНИИ», г. Магас). Магас, 2016. С. 41-65.

ГЕНКО 1930 – ГЕНКО А. Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском Музее Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик. Л., 1930. Т. V. С. 681-761.

ГУМБА 1987 – Гумба Г. Д. Кавказские хоны (гунны) по «Ашхарацуйц»-у // Труды Абхазского государственного университета им. А. М. Горького. Сухуми, 1987. Т. V. С. 91-97.

ГУМБА 2004 – Гумба Г. Д. Граница Азиатской Сарматии с Колхидой и Картли // Кавказ: история, культура, традиции, языки. По материалам Международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА 28-31 мая 2001 г. Сухум, 2004. С. 154-169.

ГУМБА 2007 – Гумба Г. Д. Аланы, асы и дигоры по «Ашхарацуйц» // Вестник Академии наук Абхазии. Сухум, 2007. № 2. С. 225-243.

ГУМБА 2016 – Гумба Г. Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетия до н. э.). Сухум: Абгосиздат, 2016. 544 с.

ГУТНОВ 1993 – Гутнов Ф. Х. Средневековая Осетия. Владикавказ: Ир, 1993. 229 с.

ГУТНОВ 2007 – Гутнов Ф. Х. Эксузиократор Алании и архонт Азии в X-XI вв. // NARTAMONGÆ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology & Language. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2007. Vol. IV. № 1, 2. С. 241-262.

ДАВИД БАГРАТИОНИ 1971 – Давид Багратиони. История Грузии / Текст издал и снабдил статьей и указателем А. А. Рогова. Тбилиси: Мецниереба, 1971. 272 с.

ДЕРБЕНД-НАМЕ 2017 – «Дербенд-наме» [Мухаммада Аваби Акташи] в переводе Алийара б. Казима с языка тюрки на персидский язык (перевод на русский язык, комментарии и факсимиле текста). Перевод текста с персидского языка на русский язык, предисловие П. М. Алибековой; комментарии и библиография Г. М.-Р. Оразаева и П. М. Алибековой. М.: Вече, 2017. 128 с.

ДЖАНАШВИЛИ 1897 – Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. – Описание Осетии, Дзурдзукии, Дидоэтии, Тушетии, Алании и Джикетии. – О царях Хазаретии. – Алгузиани // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. XXII. Отд. I. С. 1-196.

ДЖАТЦАЕВ 2009 – Джатцаев Р. К этимологии этнонимов «савромат», «сармат» и «алан» // Вайнах. Грозный, 2009. № 6. С. 86-94.

ДЖАФАРОВ 1993 – Джафаров Ю. Р. Гунны и Азербайджан. Баку: Азернешр, 1993. 107 с.

ДЖИОЕВ 1987 – Джioев М. К. Из истории аланозолотоордынских взаимоотношений в середине XIII в. // Известия ЮОНИИ. Тбилиси, 1987. Вып. XXX. С. 37-44.

ДЖИОЕВ 1990 – Джioев М. К. Историк Давида Строителя и грузино-северокавказские отношения в первой четверти XII в. // Известия ЮОНИИ. Тбилиси, 1990. XXXIII. С. 36-42.

ДЖУАНШЕР ДЖУАНШЕРИАНИ 2008 – Джуаншер Джуаншерияни. Жизнь Вахтанга Горгасала / Перевел и комментариями снабдил докт. ист. н. Г. В. Цулая // Картлис Цховреба. История Грузии. Тбилиси, 2008. С. 75-133.

ДЗАТТИАТЫ 1986 – Дзаттиаты Р. Г. Раннесредневековый могильник в селении Едыс (Южная Осетия) // Российская археология. М., 1986. № 2. С. 198-209.

Дзаттиаты 1989 – Дзаттиаты Р. Г. Алано-сасанидские отношения по данным археологии // Кавказ и цивилизации Древнего Востока: Материалы всесоюзной научной конференции. Орджоникидзе, 1989. С. 46-47.

Дзаттиаты 1991 – Дзаттиаты Р. Г. Аланы в Закавказье // I Международная научная конференция «Осетиноведение: история и современность». Владикавказ, 12-18 октября 1991 г. Орджоникидзе, 1991. С. 41-42.

Дзаттиаты 1992 – Дзаттиаты Р. Г. Алано-сасанидские отношения по материалам археологических раскопок в Южной Осетии // Аланы и Кавказ. ALANICA-II. Владикавказ, Цхинвал, 1992. С. 71-82.

Дзаттиаты 1995 – Дзаттиаты Р. Г. Аланы в дружине Вахтанга Горгосала // Аланы: история и культура. ALANICA-III. Владикавказ, 1995. С. 101-106.

Дзаттиаты 1995a – Дзаттиаты Р. Г. Пряжки и поясные наборы Едысского могильника (VI-VII вв. н. э.) // Аланы: история и культура. ALANICA-III. Владикавказ, 1995. С. 107-122.

Дзаттиаты 2006 – Дзаттиаты Р. Г. Царциатские памятники: Едысское городище и могильники. Владикавказ: Ир, 2006. 175 с.

Дружинина, Чхаидзе, Нарожный 2011 – Дружинина И. А., Чхаидзе В. Н., Нарожный Е. И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир-М.: ООО «Славянка», 2011. 266 с.

Еремян 1941 – Еремян С. Т. Сюния и оборона сасанидами кавказских проходов // Известия Академии наук СССР. Армянский филиал. Ереван, 1941. № 7 (12). С. 33-40.

Еремян 1951 – Еремян С. Т. Народно-освободительная война армян против персов в 450-451 гг. // ВДИ. М., 1951. № 4 (38). С. 41-60.

Жизнь царя царей Давида 2008 – Жизнь царя царей Давида / Перевел и комментариями снабдил чл.-корр. НАНГ М. А. Шанидзе // Картлис Цховреба. История Грузии. Тбилиси, 2008. С. 181-212.

Заходер 1962 – Заходер Б. М. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX-X вв. М.: Издательство восточной литературы, 1962. 279 с.

Ибн Хордадбех 1986 – Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Наили Велихановой. Баку: Элм, 1986. 428 с.

История монголов 1873 – История монголов по армянским источникам. Выпуск первый, заключающий в себе извлечения из трудов Вардана, Стефана Орбелиана и Константа Сембата / Перевод и объяснения К. П. Патканова. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1873. VIII+100 с.

История монголов 1874 – История монголов по армянским источникам. Выпуск второй, заключающий в себе извлечения из истории Киракоса Гандзакеци / Перевод и объяснения К. П. Патканова. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1874. VIII+140 с.

Калинина 1988 – Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий // Древнейшие источники по истории народов СССР. М.: Наука, 1988. 180 с.

КАРАУЛОВ 1908 – КАРАУЛОВ Н. А. Сведения арабских географов IX и X веков по Р. Хр. О Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. XXXVIII. Отд. I. С. 1-130.

КОВАЛЕВСКАЯ 2002 – КОВАЛЕВСКАЯ В. Б. Связи Восточной Европы в эпоху Хазарского каганата (на основании анализа массового археологического материала) // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т. 1. С. 52-68.

КОВАЛЕВСКАЯ 2005 – КОВАЛЕВСКАЯ В. Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2005. 398 с.

КОВАЛЕВСКАЯ 2007 – КОВАЛЕВСКАЯ В. Б., КУЗНЕЦОВ В. А. Памятники эпохи раннего средневековья (IV-XIII вв.) // Археология Северной Осетии. Владикавказ, 2007. Ч. 2. С. 109-248.

КОДЗОЕВ 2011 – КОДЗОЕВ Н. Д. Глава II. Ингушетия в I-XIV веках // История Ингушетии. Магас, 2011. С. 83-111.

КОНОВАЛОВА 2009 – КОНОВАЛОВА И. Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII-XIV вв.: текст, перевод, комментарий / И. Г. Коновалова // Древнейшие источники по истории Восточной Европы. М.: Восточная литература, 2009. 223 с.

КУБАНОВ 2004 – КУБАНОВ А. Х. Ассия и Асгард на Кавказе, или По следам Т. Хейердала: Очерки и заметки. М.: Илекса, Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2004. 240 с.

КУЗНЕЦОВ 1962 – КУЗНЕЦОВ В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА СССР. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 133 с.

КУЗНЕЦОВ 1971 – КУЗНЕЦОВ В. А. Алания в X-XIII вв. Орджоникидзе: Ир, 1971. 247 с.

КУЗНЕЦОВ 1977 – КУЗНЕЦОВ В. А. В верховьях Большого Зеленчука. М.: Искусство, 1977. 167 с.

КУЗНЕЦОВ 1980 – КУЗНЕЦОВ В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1980. 136 с.

КУЗНЕЦОВ 1984 – КУЗНЕЦОВ В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984. 303 с.

КУЗНЕЦОВ 1990 – КУЗНЕЦОВ В. А. Реком, Нузал и Царазонта. Орджоникидзе: Ир, 1990. 200 с.

КУЗНЕЦОВ 1992 – КУЗНЕЦОВ В. А. Очерки истории алан. Владикавказ: Ир, 1992. 392 с.

КУЗНЕЦОВ 2002 – КУЗНЕЦОВ В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ: Ир, 2002. 159 с.

КУЗНЕЦОВ 2004 – КУЗНЕЦОВ В. А. Еще раз о древнем укреплении в Касарской теснине (Северная Осетия) // Вестник ВНИЦ. Владикавказ, 2004. Т. 4. № 2. С. 2-7.

КУЗНЕЦОВ 2012 – КУЗНЕЦОВ В. А. Алантæ // Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ, 2012. С. 33-36.

КУЗНЕЦОВ 2014 – КУЗНЕЦОВ В. А. Аланы и Кавказ: Осетинская эпопея обретения родины. Владикавказ: Проект-Пресс, 2014. 160 с.

КУЗНЕЦОВ 2014a – КУЗНЕЦОВ В. А. Древности Куртатинского ущелья. Владикавказ: Проект-Пресс, 2014. 256 с.

Кузнецов 2016 – Кузнецов В. А. Касарский оборонительный комплекс в Северной Осетии // Известия ЮОНИИ. Цхинвал, 2016. Вып. ХLI. С. 127-142.

Кузнецов, Романова 2006 – Кузнецов В. А., Романова Г. Б. «Limes Caucasus» // Первая Абхазская Международная археологическая конференция: Материалы. Посвящена памяти Ю. Н. Воронова. Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия. Сухум, 2006. С. 43-54.

Кузнецов 1893 – Кузнецов Н. Дариал и Дариальское ущелье // Энциклопедический словарь. СПб., 1893. Т. X. Полutom 19. С. 143.

Кулаковский 2000 – Кулаковский Ю. А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей // Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000. С. 43-164.

Кулаковский 2003 – Кулаковский Ю. А. История Византии. Т. 1: 395-519 годы // Серия «Византийская библиотека. Исследования». СПб.: Алетейя, 2003. 492 с.

Латышев 1904 – Латышев В. В. Заметки о кавказских надписях (с 1 табл. и 3 снимками надписей) // Известия Императорской Археологической Комиссии. СПб., 1904. Вып. 10. С. 98-105.

Латышев 1949 – Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. М., 1949. № 4. С. 227-304.

Лордкипанидзе, Отхмезури 2015 – Лордкипанидзе М., Отхмезури Г. Шида Картли (исторический очерк) // Осетины в Грузии. Тбилиси, 2015. С. 7-53.

Малашев, Гаджиев, Илюков 2015 – Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Илюков Л. С. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III-V вв. н. э. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 452 с.

Марков 1887 – Марков Е. Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. СПб., М.: Издание товарищества М. О. Вольф, 1887. V+698+II с.

Мизиев 2010 – Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа // Истории Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева: В 3 т. Нальчик, 2010. Т. 2. С. 84-232.

Мизиев 2010А – Мизиев И. М. История Балкарии и Карачая с древнейших времен до походов Тимура // Истории Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева: В 3 т. Нальчик, 2010. Т. 2. С. 188-492.

Миндорашвили 2001 – Миндорашвили Д. К уточнению одного сведения Вахушти Багратиони // Кавказский вестник. Тбилиси, 2001. № 3 [сайт] URL: <http://www.nplg.gov.ge/caucasia/Messenger/RUS/N3/SUMMARY/9.HTM> (дата доступа: 16.05.2018).

Мишин 2014 – Мишин Д. Е. Хосров I Ануширван (531-579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха. М.: ИВ РАН, 2014. 696 с.

Мкртумян 1972 – Мкртумян А. Г. К вопросу об образовании феодального княжества Кахетии // Историко-филологический журнал. Ереван, 1972. № 1. С. 230-234.

Мкртумян 1975 – Мкртумян А. Г. Борьба халифата за овладение главными кавказскими проходами // Историко-филологический журнал. Ереван, 1975. № 2. С. 209-214.

Моммсен 1885 – Моммсен Э. Римская история. Т. V. Провинции от времен Цезаря до времен Диоклетиана / Перевод В. Н. Неведомского. М.: Типография В. Э. Рихтер, 1885. 648 с.

Мровели Леонти 1979 – Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г. В. Цулая. М.: Наука, 1979. 102 с.

Муравьев 1988 – Муравьев С. Н. Заметки по исторической географии Закавказья. Плиний о населении Кавказа // ВДИ. М., 1988. № 1 (184). С. 156-161.

Мурзаев 1984 – Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.

Мурзаев 1993 – Мурзаев Э. М. Образ места // Русская речь. М., 1993. № 2. С. 91-98.

Наглер 1984 – Наглер А. О. О датировке Хилакской оборонительной стены // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С. 56-59.

Нарожный 2009 – Нарожный Е. И. Русско-ордынский поход против «славного яского города Дедакова» в контексте политической обстановки на Северном Кавказе // Золотоордынская цивилизация: Сборник статей. Казань, 2009. Вып. 2. С. 154-162.

Никонов 1966 – Никонов Н. А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 509 с.

Новосельцев 1969 – Новосельцев А. П. К истории аланских городов // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1969. Т. II. С. 132-136.

Новосельцев 1990 – Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.

Новосельцев 2000 – Новосельцев А. П. Древняя Русь, Кавказ и Закавказье в восточных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти члена-корреспондента РАН Анатолия Петровича Новосельцева. М., 2000. С. 264-477.

Ньоли 2002 – Ньоли Г. Название алан в сасанидских надписях: лингвистические и исторические размышления по поводу противостояния Ирана внешнего и Ирана внутреннего. Владикавказ: Ир, 2002. 43 с.

Нюшков 2014 – Нюшков В. А. Воинское сословие в Апсилии. Историко-культурное исследование // КСИА. М., 2014. Вып. 234. С. 140-157.

Осетины 1967 – Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. 319 с.

Патканов 1863 – Патканов К. Опыт истории династии Сасанидов по сведениям, сообщаемым армянскими писателями. СПб.: В типографии Императорской Академии наук, 1863. XXIII+90 с.

Патканов 1883 – Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1883. Ч. CCXXXVI. С. 21-32.

Пигулевская 1941 – Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. 171 с.

Плиев 2011 – Плиев Р. С. Хожение нарта в орсы и росы. Назрань: ООО «Пилигрим», 2011. 354 с.

Подосинов, Скржинская 2011 – Подосинов А. В., Скржинская М. В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший / Тексты, перевод, комментарий. М.: «Индрик», 2011. 504 с.

Робакидзе 1976 – Робакидзе А. И. Оборонительные стены Северной Осетии // Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения академика И. А. Джавахишвили, 1976. С. 432-442 (на груз. яз.).

Ростовцев 1909 – Ростовцев М. И. Новые латинские надписи с юга России (с 1 табл. и 3 снимками) // Известия Императорской Археологической Комиссии. СПб., 1909. Вып. 33. С. 1-22.

Садр ад-Дин 1980 – Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. Ахбар ад-Даулат ас-сельджукийа (Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулук ас-салджукий-йа) (Сообщения о сельджукском государстве. Сливки летописей, сообщавших о сельджукских эмирах и государствах) / Издание текста, перевод, введение, примечания и приложение З. М. Буниятова. М.: Восточная литература, 1980. 521 с.

Садыгова 2014 – Садыгова К. Ф. Великий султан Алп-Арслан и Азербайджан (на основе произведения Сибт Ибн аль-Джаузи «Мир-ат аз-заман фи тарих аль-айан») // Збірник наукових праць «Гілея: науковий вісник». Київ, 2014. Вип. 85. С. 138-140.

Сборник греческих 1881 – Сборник греческих и латинских надписей Кавказа / Составил для V-го Археологического съезда в Тифлисе И. Помяловский. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1881. 95 с.

Сведения арабских 2002 – Сведения арабских и персидских источников о походах к северу от Дербента (22/642-643 и 119/737 гг.) / Перевод текстов с арабского на русский язык и комментарии подготовила Нурия Гараева // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002. С. 440-471.

Сведения арабских 1902 – Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. II. Ибн-ал-Факих / Перевод и примечания Н. А. Караулова // СМОМПК. Тифлис, 1902. Вып. XXXI. Отд. I. С. 1-57.

Семёнов 2015 – Семёнов И. Г. Кавказ в политических отношениях Ирана с Византией и Тюркским каганатом в 556-559 гг. // Хазарский альманах. М., 2015. Т. 13. С. 234-298.

Семёнов 2016 – Семёнов И. Г. К этнической карте кавказской периферии Гуннской державы: соросги, акациры и «гунны» Восточного Кавказа // КСИА. М., 2016. Вып. 244. С. 323-339.

Сигаури 1997 – Сигаури И. М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М.: Издательский дом «Русская жизнь», 1997. 250 с.

Сказания мусульманских 1870 – Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. (С половины VII века до конца X века по Р. Х.) / Собрал, перевел и объяснил А. Я. Гаркави. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1870. VIII+308 с.

Сказания Приска 1861 – Сказания Приска Панийского (С. Г. Дестуниса) // Ученые Записки Второго Отделения Императорской Академии наук. СПб., 1861. Кн. VII. Вып. 1. С. 1-112.

Сланов 2007 – Сланов А. А. Военное дело алан I-XV вв. Владикавказ: СОИГСИ, 2007. 400 с.

Сланов 2011 – Сланов А. А. Кавказская стена – миф или реальность? // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.-М.-Великий Новгород, 2011. Т. II. С. 98-99.

Сланов 2013 – Сланов А. А. Кавказский оборонительный комплекс эпохи раннего средневековья // Вестник СОГУ. Владикавказ, 2013. № 3. С. 45-48.

Сланов 2014 – Сланов А. А. Дарьяльская крепость // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, Москва, 21-25 апреля 2014 г. М., 2014. С. 276-279.

Сланов 2014 а – Сланов А. А. «Врата алан», или Великая Кавказская стена // Известия ЮОНИИ. Цхинвал, 2014. Вып. XL. С. 59-68.

Сланов 2014 б – Сланов А. А. Дарьяльская крепость // Родина. М., 2014. № 2. С. 88-89.

Столетняя летопись 2008 – Столетняя летопись (Анонимный хронограф XIV в.) / Перевел и комментариями снабдил докт. ист. н. Г. В. Цулая // Картлис Цховреба. История Грузии. Тбилиси, 2008. С. 331-413.

Сулейманов 1978 – Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. II. Горная Ингушетия (юго-западная часть), Горная Чечня (центральная и юго-восточная часть). Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1978. 289 с.

Сулейманова 2004 – Сулейманова С. А. Этнополитическая история северо-западной Албании в свете архетипов в местных источниках // Известия Национальной Академии наук Азербайджана. Серия истории, философии и права. Баку, 2004. № 4. С. 51-82.

Сулейманова 2008 – Сулейманова С. А. Транскаспийская дорога и история связей между Центральной Азией и Кавказом // Научные исследования Института Востоковедения им. З. М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана. Юбилейный выпуск. Баку, 2008. С. 315-325.

Сулейманова 2008 а – Сулейманова С. А. Торговые колонии на Caspia Via между Центральной Азией и Кавказом – Trade Colonies on Caspia Via between Central Asia and Caucasus // Вестник МИЦАИ (Bulletin of ICAS). Самарканд, 2008. Вып. 8. С. 40-57.

Сулейманова 2013 – Сулейманова С. А. Локализация городов, проходов и путей Кавказской Албании по сведениям древних источников // Azərbaycan Arxeologiyası və Etnoqrafiyası. Bakı, 2013. № 2. С. 86-117.

Сулейманова 2016 – Сулейманова С. А. Кавказские маршруты в трансконтинентальной сети древних путей // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы Международной

научно-практической конференции (Ставрополь 28-29 сентября 2015 г.). Ставрополь, 2016. С. 45-56.

Тарих-ал-Камиль 1940 – Из Тарих-ал-Камиль (Полного свода истории) Ибн-ал-Асира / Перевод П. К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Баку: Издательство АзФАН, 1940. 184 с.

ТМЕНОВ 1989 – ТМЕНОВ В. Х. Несколько страниц из этнической истории осетин // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе, 1989. С. 113-134.

ТМЕНОВ 1996 – ТМЕНОВ В. Х. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ: РИПП им. В. А. Гассиева, 1996. 437 с.

Тогошвили 1988 – Тогошвили Г. Д. К вопросу о характере грузино-северокавказских взаимоотношений в XI-XIII вв. // Вопросы истории народов Кавказа (сборник статей, посвященный памяти З. В. Анчабадзе). Тбилиси, 1988. С. 184-199.

Тогошвили 2012 – Тогошвили Г. Д. Из истории грузино-осетинских отношений // Тогошвили Г. Д. Избранные труды по кавказоведению. Владикавказ: Ир, 2012. Т. I. С. 15-165.

Тогошвили 2014 – Тогошвили Г. Д. Вахушти Багратиони об Осетии и осетинах // Тогошвили Г. Д. Избранные труды по кавказоведению. Владикавказ: Ир, 2014. Т. II. С. 142-221.

Тогошвили 2014а – Тогошвили Г. Д. К вопросу о времени и условиях переселения осетин на территорию Грузии. По поводу статьи В. Н. Гамрекели // Тогошвили Г. Д. Избранные труды по кавказоведению. Владикавказ: Ир, 2014. Т. II. С. 260-276.

Топчишвили 2011 – Топчишвили Р. Кавказоведческие исследования. Тбилиси: Универсал, 2011. 271 с.

Топчишвили 2016 – Топчишвили Р. «Осетинская этнографическая энциклопедия» в контексте грузино-осетинских отношений. Тбилиси: Универсал, 2016. 136 с.

Тортика 2006 – Тортика А. А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII-третья четверть X вв.). Харьков: ХГАК, 2006. 553 с.

ТРЕВЕР 1959 – ТРЕВЕР К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э.-VII в. н. э. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1959. 389 с.

Туаллагов 2014 – Туаллагов А. А. Аланы Придарьяля и закавказские походы I-II вв. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВЦ РАН и РСО-А, 2014. 230 с.

Флёрков 2010 – Флёрков В. С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Мосты культуры, 2010. 260 с.

Халидов 2017 – Халидов А. И. Лингвистическая составляющая монографии Г. Гумба «Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетия до н. э.)» // Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2017. № 1 (34). С. 67-76.

Хизриев 2003 – Хизриев Х. А. Северный Кавказ и Арабский халифат: мифы и реальность // Вестник Чеченского института повышения квалификации работников образования. Грозный, 2003. Вып. 3. С. 50-53.

Хрестоматия 1993 – Хрестоматия по истории осетинского народа / Составитель М. П. Санагоев. Цхинвал: Ирыстон, 1993. Т. I. 413 с.

ЦАГАЕВА 2010 – ЦАГАЕВА А. Дз. Топонимия Северной Осетии. Владикавказ: Ир, 2010. 623 с.

ЦУЛАЯ 1980 – ЦУЛАЯ Г. В. Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // Кавказский этнографический сборник. М., 1980. Т. VII. С. 193-208.

ЦУЛАЯ 2007 – ЦУЛАЯ Г. В. Джуаншер Джуаншериани и его исторический труд // Силуэты Грузии – 1. М., 2007. С. 157-280.

Цулая 2007а – Цулая Г. В. Осетины в контексте истории Грузии (Домонгольский период) // Силуэты Грузии – 1. М., 2007. С. 281-311.

ЧЕЛАХСАЕВ 2013 – ЧЕЛАХСАЕВ Р. Скифский звериный стиль и отдельные вопросы осетиноведения. Владикавказ: Ир, 2013. 96 с.

Я'КУБИ 1927 – Из сочинения Я'куби «История». Текст и переводы / Перевод с арабского проф. П. К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Баку: Издание Общества Обследования и Изучения Азербайджана, 1927. Вып. IV. 34 с.

ALEMANY 2003 – ALEMANY A. Sixth Century Alania: between Byzantium, Sasanian Iran and the Turkic World // *Transoxiana. Journal de Estudios Orientales. Ērān und Anērān. Webfestschrift Marshak*. 2003. P. 1-8 [сайт] URL: <http://www.transoxiana.com.ar>.

ALEXIDZÉ 2000 – ALEXIDZÉ Z. La Construction de la ΚΛΕΙΣΘΥΡΑ d'après le nouveau manuscrit sinaïtique No. 50 // *Travaux et Mémoires du Centre de Recherché d'histoire et civilization de Byzance. Monographies*. T. 13. Paris, 2000. P. 673-681.

BAIS 2017 – BAIS M. Alans in Armenian sources after the 10th c. AD // *Rivista di Studi Indo-Mediterranei*. Bologna, 2017. T. VII. P. 1-12.

BLOCKLEY 1984 – BLOCKLEY R. C. The Roman-Persian Peace Treaties of A.D. 299 and 363 // *Florilegium. Carleton University Annual Papers on Classical Antiquity and the Middle Ages*. Ottawa, 1984. Vol. 6. P. 28-49.

BRAUND 1999 – BRAUND D. Georgia in Antiquity. A History of Colchis and Transcaucasian Iberia 550 B.C.-A.D. 562. Oxford: Clarendon Press, 1999. XVII+359 p.

BRAUND 2000 – BRAUND D. (with the assistance of Diane Braund) Map 88 Caucasia, in R.J.A. Talbert (ed.) *Barrington atlas of the Greek and Roman world: 1255–67*. Princeton (NJ) & Oxford, 2000. P. 1255-1267.

C. PLINI SECUNDI 1906 – C. PLINI SECUNDI *Naturalis Historiae. Libri XXXVII*. Vol. I. Libri I-VI. Lipsiae: In Aedibus B. G. Teubneri, MCMVI. XVI+556 p.

CAGNAT 1901 – CAGNAT R. *Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes*. Paris: Ernest Leroux, Editeur, MDXXXI. 544 p.

CHOLOGAURI 2015 – CHOLOGAURI L. Kazbegi – Tamara's Fortress // *Online Archaeology*. 2015. № 8. P. 188-189.

CHOLOGAURI 2015a – CHOLOGAURI L. Bone Artifacts from Tamara's Fortress // *Online Archaeology*. 2015. № 8. P. 200-209.

CHRYSOS 1976 – CHRYSOS E. *Some Aspects of Roman-Persian Legal Relations*. Thessaloniki, 1976. 53 p.+6 pl.

Darial 1910 – Darial // The Encyclopædia Britannica. A Dictionary of Arts, Science, Literature and General Information. Eleventh Edition. Cambridge: University Press, 1910. Vol. VII. P. 832.

DIGNAS, WINTER 2007 – DIGNAS B., WINTER E. Rome and Persia in Late Antiquity. Neighbours and Rivals. New York: Cambridge University Press, 2007. XVI+347 p.

DEXIPPI 1829 – Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri, Olympiodori, Candidi, Nonnosi et Theophanis Historiarum Reliquiae, Procopii et Prisciana Panegyrici // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonnae: Impensis ed. Webery, MDCCCXXIX. Pars 1. XLVI+659.

GAGOSHIDZE 2008 – GAGOSHIDZE I. Kartli in Hellenistic and Roman Times. General Aspects // Iberia and Rome. The excavations of the palace at Dedoplistskaro and the Roman influence in the caucasian kingdom of Iberia (Schriften des Zentrums für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraumes 13). Langenweißbach, 2008. P. 1-40.

HARMATTA 1996 – HARMATTA J. The Wall of Alexander the Great and the Limes Sasanicus // Bulletin of the Asia Institute. Bloomfield, 1996. Vol. 10. Studies in the Honor of Vladimir A. Livshits. P. 79-84.

HUDŪD-AL-'ĀLAM 1982 – HUDŪD-AL-'ĀLAM. «The Regions of the World». A Persian Geography 372 A. H.-982 A. D. Translated and explained by V. Minorsky. Second edition with the preface by V. V. Barthold. Translated from the Russian and with additional material by the late professor Minorsky edited by C. E. Bosworth // E. J. W. Gibb Memorial Series. New Series, XI. Cambridge: University Press, 1982. LXXXII+524 p.

Incerti Auctoris 1927 – Incerti Auctoris Chronicon Pseudo-Dionysianum vulgo dictum. I // Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, 91. Scriptores Syri, 43. Paris: E Typographeo Reipublicae, 1927. 255 p.

IOANNES LYDUS 1838 – IOANNES LYDUS // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonnae: Impensis ed. Webery, MDCCCXXXVIII. LXIV+434.

ISAAK 1999 – ISAAK B. The Limits of Empire. The Roman Army in the East. Oxford: Clarendon Press, 1999. XV+510 p.

JUANSHER JUANSHERIANI 2014 – JUANSHER JUANSHERIANI. The Life of Vakht'ang Gorgasali // Translated and with commentary Dmitri Gamq'relidze // Kartlis Tskhovreba. A History of Georgia. Tbilisi, 2014. P. 77-134.

KIEPERT 1878 – KIEPERT H. Lehrbuch der Alten Geographie. Berlin: Verlag von Dietrich Reimer, 1898. XVI+542.

LICINI 2017 – LICINI P. Surveying Georgia's Past. On the Use of Cartographic Sources for Caucasian History // Annali di Ca'Foscari. Serie Orientale. Guigno, 2017. Vol. 53. P. 61-153.

MARTIANI 1836 – Martiani Minei Felicis Cappellae Afri Carthaginensis de Nuptiis Philologiae et Mercurii et de Septem Artibus Liberalibus Libri Novem. Francofurti ad Moenum: Prostat apud Franciscum Varrentrapp, MDCCCXXXVI. XX+856 p.

MARKWART 1931 – MARKWART J. Iberer und Hircanier. Mit einen Exkurs: Li-Kan // *Caucasica*. Leipzig, 1931. Fasc. 8. S. 78-113.

MARQUART 1901 – MARQUART J. Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i: Mit historisch-kritischem Kommentar und historischen und topographischen Excursen von J. Marquart // *Abhandlungen der Königlich-Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologische-Historische Klasse. Neue Folge. Bd. III. Aus der Jahren 1899-1901*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1901. 358 s.

MARQUART 1903 – MARQUART J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9 und 10 Jahrhunderts. Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung Theodor Weicher, 1903. L+555 s.

MESERVE 2008 – MESERVE M. *Empires of Islam in Renaissance Historical Thought* // *Harvard Historical Studies*, 158. Cambridge, Massachusetts, and London, England: Harvard University Press, 2008. 359 p.

MINORSKY 1958 – MINORSKY V. *A History of Sharvān and Darband in the 10th-11th centuries*. Cambridge: W. Heffer & sons LTD, 1958. VII+187+32 p.

D'OHSSON 1828 – D'OHSSON C. *Des Peuples du Caucase et des Pays au nord de la mer Noire et de la mer Caspienne, dans le dixième siècle, ou Voyage d'Abou-el-Cassim*. Paris: Chez Firmin Didot Pere et Fils, 1828. XXII+284 p.

SAUER, CHOLOGAURI, NASKIDASHVILI 2016 – SAUER E., CHOLOGAURI L., NASKIDASHVILI D. *The Caspian Gates: Exploring the most famous mountain valley of the ancient world* // *Current World Archaeology*. 2016. Iss. 80. P. 19-24.

SAUER, PITSKHELAURI 2015 – SAUER E. W., PITSKHELAURI K. *Securing the Caucasus through Intelligence and hard Power* // *XXIII International Limes Congress. Abstracts of Lectures and Posters. List of Participants*. Ingolstadt, 2015. P. 103.

SAUER, PITSKHELAURI et al. 2015 – SAUER E. W., PITSKHELAURI K., HOPPER K., TILIAKOU A., PICKARD C., LAWRENCE D., DIANA A., KRANIOTI E., SHUPE C. *Northern outpost of the Caliphate: maintaining military forces in a hostile environment (the Dariali Gorge in the Central Caucasus in Georgia)* // *Antiquity*. 2015. Vol. 89. No. 346. pp. 885-904. DOI: 10.15184/aqy.2015.80. Peer reviewed version. P. 1-29 [сайт] URL: https://www.research.ed.ac.uk/portal/files/23788770/Sauer_Pitskhelauri_et_al_2015_for_open_access.pdf (date of access: 06.05.2018).

SHAHBAZI 1990 – SHAHBAZI A. Sh. *Byzantine-Iranian Relations* // *Encyclopædia Iranica*. 1990. Vol. IV. Fasc. 6. P. 588-599 [сайт] URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/byzantine-iranian-relations> (date of access: 10.05.2018).

SPIEGEL 1871 – SPIEGEL FR. *Eranische Altertumskunde*. Leipzig: Verlag von Wilhelm Engelmann, 1871. Bd. I. *Geographie, Ethnographie und Älteste Geschichte*. 760 s.

SURGULADZE 2015 – SURGULADZE M. *A Christian Coalition: The Georgian King David IV in the Struggle against the Seljuk Turks (the Late 11th and Early 12th Centuries)* // *Crusader*. Sochi, 2015. № 2. C. 60-122.

The Geography of Ananias 1992 – The Geography of Ananias of Širak (AŠXARHAC'OYC'). *The Long and the Short Recensions*. Introduction, Translation and Commentary by Robert H. Hewsen

// Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1992. Reihe B (Geisteswissenschaften). Nr. 77. XIII+467 p.

The Life of David 2014 – The Life of David, King of Kings. Translated and with commentary Dmitri Gamq'relidze // Kartlis Tskhovreba. A History of Georgia. Tbilisi, 2014. P. 171-199.

TOMASCHEK 1897 – TOMASCHEK W. Biraparach (Βιραπαράχ) // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1897. Bd III. H. 1: Barbarus–Campanus. Sp. 489.

ZUCKERMAN 2003 – ZUCKERMAN C. Les Alains et les As dans le haut Moyen Âge // NARTAMONGÆ. The Journal of Alano-Osetic Studies: Epic, Mythology & Language. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw. 2003. Vol. II № 1-2. P. 127-162.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблемам строительства и функционирования Дарьяльского укрепления. Анализ различных источников позволяет полагать, что первые оборонительные укрепления центральной транскавказской магистрали были сооружены на ее южном закавказском участке. Их строительство и контроль относится к деятельности Селевкидов и римских правителей. Только после подчинения Восточного Закавказья Персии и обострения ситуации для закавказских владений Персии и Византии в связи с вторжениями с Северного Кавказа встал вопрос о совместном возведении и содержании Дарьяльского укрепления. Оно было возведено персами в период правления Ездигерде I между 413-414 гг. и 421 г. Впоследствии оно укреплялось Кавадом I и Хосровом I Ануширваном. Свое название – «Ворота алан» – укрепление получило по названию места своего возведения, которое еще ранее было дано ему теми же персами.

Укрепление функционировало за счет субсидий, предоставляемых обеими империями, а ее гарнизон, кроме собственно персов, набирали и из числа местного населения. Непосредственным руководством укреплением занимались персидские наместники, которые могли назначаться и из числа правителей вассальных владений Закавказья. В целом персы рационально использовали для службы в гарнизоне и для контроля территорий к югу от Дарьяльского ущелья контингенты из числа местных жителей. Дарьяльское укрепление служило северным оборонительным рубежом персидской провинции, в которую были включены закавказские образования Картли, Албании и Армении и горные районы, население которых, в том числе в Дарьяльском ущелье, оставалось независимым от Картли, в конечном итоге потерявшей и собственный государственный статус. Ключевые слова: персы, аланы, письменные свидетельства, Ворота алан, оборонительная линия, Кавказ.

После падения персидского господства укрепление на некоторое время перешло во владения алан или хазар. Но в VIII в. оно было взято под контроль Арабским халифатом и обеспечивало, как ранее у персов, охрану северных границ его провинции. После падения могущества халифата и Хазарского каганата, которое шло параллельно с усилением Ала-

нии, Дарьяльское укрепление переходит во владения самих алан. Оно остается в их владении примерно вплоть до середины XIII в., когда после долгой осады будет захвачено монголами. Но в изменившихся исторических условиях оно теряет свое стратегическое значение, не имеет надежной материальной и военной базы для содержания и приходит в упадок и запустение.

The article is devoted to the problems of construction and functioning of the Darial fortification. Analysis of various sources proves that the first defensive fortifications of the Central Transcaucasian highway were built on its southern Transcaucasian section. Their construction and control refers to the activities of the Seleucids and the Roman rulers. Only after the submission of the Eastern Transcaucasia of Persia and with the aggravation of the situation for Transcaucasian possessions of Persia and Byzantium as a result of the invasions from the North Caucasus, the question about the joint construction and maintenance of the Daryal fortification arose. It was erected by the Persians during the reign of Ezdigerde I between 413-414 and 421 years. Later it was strengthened by Kavad I and Khosrow I Anushirvan. The name – «Gate of the Alans» – fortification got after the name of the place of its erection, and had been earlier given to it by the same Persians.

Strengthening functioned at the expense of subsidies provided by both empires, and to the garrison, in addition to the Persians proper, local residents were recruited. Direct supervision of the fortification was carried out by the Persian governors, who could be appointed from among the rulers of the vassal possessions of Transcaucasia. In general, the Persians rationally managed local residents for the service in the garrisons and controlled the territories south of the the Darial Gorge. Darial strengthening served as the Northern defensive border of the Persian provinces, which included the Transcaucasian formations of Kartli, Albania and Armenia, and mountainous areas, where the population, including in the Darial Gorge, remained independent of Kartli, in the end, eventually losing its own state status.

After the fall of Persian domination, the fortification passed into the possession of the Alans or the Khazars for some time. But in the VIII century it was taken under the control of the Arab Caliphate and provided, as in the case of the Persians, with the protection of the northern borders of its province. After the fall of the power of the Caliphate and the Khazar Kaganate, which went in parallel with the strengthening of Alanya, the Darial fortification passed into the possession of the Alans themselves. It remains in their possession, approximately, until the middle of the XIII century, when after a long siege will be captured by the Mongols. But in the changed historical conditions it lost its strategic importance, not has reliable financial and military base for the maintenance and comes into decline and desolation.